

Технологическая, институциональная и средовая трансформация региона через создание научно-образовательного центра мирового уровня

Technological, Institutional and Environmental Transformation of the Region through the Creation of the Scientific and Educational Center of World Level
(DOI: 10.34773/EU.2021.2.1)

А. СИДЯКИН, И. БУРЕНИНА,
Р. КАЗЫХАНОВ

Сидякин Александр Геннадьевич, канд. юрид. наук, руководитель Администрации Главы Республики Башкортостан, заместитель председателя Наблюдательного совета Евразийского научно-образовательного центра мирового уровня. E-mail: aprb@bashkortostan.ru

Буренина Ирина Валерьевна, д-р экон. наук, профессор, директор Уфимской высшей школы экономики и управления Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: iushkova@yandex.ru

Казыханов Руслан Радикович, советник Главы Республики Башкортостан по вопросам науки. E-mail: ckrsp@yandex.ru

В статье выделены основные научные направления созданного научно-образовательного центра мирового уровня. Рассмотрены основные результаты влияния центра на экономику региона: изменение валового регионального продукта, отраслевой структуры малого и среднего предпринимательства, изменение позиции региона по типам региональных систем высшего образования через процессы технологической, институциональной и средовой трансформации. Отдельно выделена трансформация системы инициативного бюджетирования в Республике Башкортостан, направленная на объекты общего образования через создание предуниверсариев, открытие корпоративных классов, лабораторий совместно с образовательными и научными организациями высшего образования и предприятиями реального сектора экономики со специализацией в контурах исследовательской повестки научно-образовательного центра.

Ключевые слова: научно-образовательный центр, экономика региона, технологическая трансформация региона, институциональная трансформация региона.

The article highlights the main scientific directions of the created world-class scientific and educational center. The main results of the center's influence on the region's economy are considered: changes in the gross regional product, the sectoral structure of small and medium-sized businesses, changes in the region's position on the types of regional higher education systems through the processes of technological, institutional and environmental transformation. The transformation of the system of initiative budgeting in the Republic of Bashkortostan, aimed at the objects of general education through the creation of pre-universities, the opening of corporate classes, laboratories together with educational and scientific organizations of higher education and enterprises of the real sector of the economy with specialization in the contours of the research agenda of the scientific and educational center, is highlighted separately.

Keywords: scientific and educational center, regional economy, technological transformation of the region, institutional transformation of the regional economy.

Научно-образовательные центры мирового уровня, созданные в рамках национального проекта «Наука», стартовавшего 1 октября 2018 года, должны направлять свою деятельность на достижение поставленных руководством страны национальных целей развития и играть главную роль в увязке интересов науки, образования, бизнеса и стратегий, определяющих социально-экономическое развитие регионов, на базе которых созданы аналогичные центры.

В Республике Башкортостан создан Евразийский научно-образовательный центр мирового уровня (далее – Центр или НОЦ), главная задача которого заключается в объединении научного и образовательного потенциала для создания высокотехнологичных производств через

партнерство разного типа организаций, модератором которого выступает региональная власть, разрабатывая для всех участников не только институциональные условия – «правила игры», но и создавая комфортную среду.

На базе анализа проектов, предусмотренных Рамочной программой научных исследований и инноваций Европейского Сообщества «Горизонт Европа» на период 2021–2027 гг., немецкой платформой «Индустрия 4.0», а также Стратегией технологических инноваций Японии до 2050 года («NESTI 2050»), в соответствии со Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642, определены приоритеты, заложившие основу для формирования направлений деятельности Центра:

- здоровье человека и устойчивые решения на биологической основе;
- ключевые технологические решения, обеспечивающие адаптацию к изменениям климата, ревитализацию и применение «зеленых» экологических технологий в приоритетных отраслях региона, включая химию, энергетику и машиностроение;
- евразийская интеграция и формирование новой среды жизни в регионе (междисциплинарное направление, стыкующее между собой два вышеописанных направления миссии).

Качественно новые продукты, усовершенствованные процессы, работы, услуги и бизнес-модели создаются на основе интеграции решений с различными научно-техническими «корнями». Как следствие, переток результатов проведенных научных исследований, полученных разработок и инновационных технологий способствует формированию актуальных междисциплинарных направлений и положительным сдвигам в технологической, институциональной и средовой трансформации Республики Башкортостан в целом.

На рисунке 1 представлены структурные изменения валового регионального продукта Республики Башкортостан в результате реализации пула мероприятий деятельности Центра.

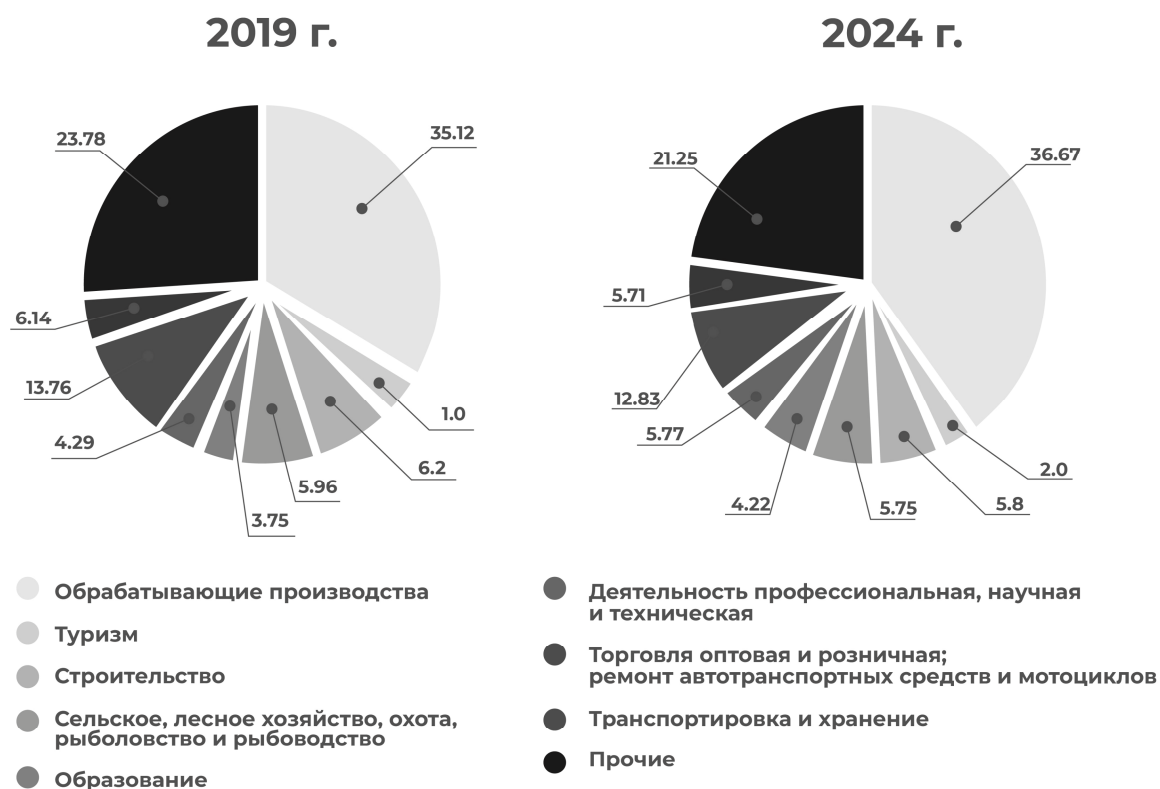

Рис. 1. Изменение структуры ВРП в результате реализации программы деятельности НОЦ (2019–2024 гг.)

В соответствии с прогнозом социально-экономического развития Республики Башкортостан в перспективе до 2024 г., скорректированного с учетом влияния мероприятий Центра,

объем валового регионального продукта (далее – ВРП) увеличится на 17,22 % в сравнении с 2019 г. и достигнет 2 021 944,6 млн рублей.

К 2024 г. в структуре ВРП Республики Башкортостан наибольшая доля будет приходиться на обрабатывающие производства – 36,67 % (для сравнения, в 2019 г. уровень показателя составил 35,12 %). Вместе с этим, торговля оптовая и розничная, а также ремонт автотранспортных средств и мотоциклов сформируют 12,83 % ВРП; строительная отрасль – 5,8 %; сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство – 5,75 %; доля профессиональной, научной и технической деятельности увеличится с 4,29 % до 5,77 %. Стоит отметить, что существенный вклад в рост ВРП внесет образовательная деятельность, доля которой в общей структуре ВРП составит 4,22 %. Доходы от туризма и санаторно-курортного обслуживания вырастут до 2,0% от ВРП.

В соответствии со стратегией развития малого и среднего предпринимательства Республики Башкортостан до 2030 года, в разрезе основных видов экономической деятельности на конец 2024 г. в сравнении с 2019 г. будут преобладать торговля и бытовые услуги населению – 43,7 %, операции с недвижимым имуществом – 15,9 %, а также деятельность обрабатывающих производств – 14,1 % (см. рис. 2). Суммарная доля остальных видов экономической деятельности субъектов предпринимательства составляет 26,3 %, включая строительство в размере 9,28 %, сельское и лесное хозяйство – 7,9 %.

В результате развития предпринимательского трека в деятельности НОЦ планируется рост таких секторов МСП, как обрабатывающие производства (+5,9 %), сельское и лесное хозяйство (+1,5 %), а также отрасль строительства (+0,88 %).

Все это свидетельствует о перетоке инноваций, росте отраслей, ориентированных на приток технологий, и сокращении долей отраслей предыдущего технологического уклада.

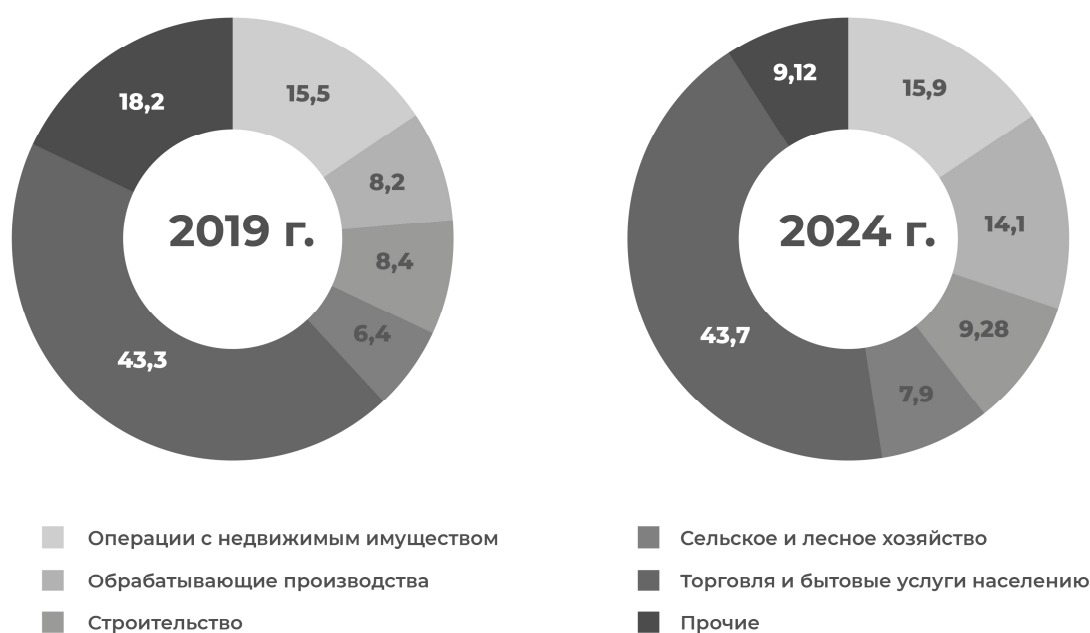

Рис. 2. Изменение отраслевой структуры субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Башкортостан в результате реализации программы деятельности НОЦ

Указ Главы Республики Башкортостан от 23 сентября 2019 года № УГ-310 «О стратегических направлениях социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2024 года», наряду со Стратегией социально-экономического развития Российской Федерации, выступает основополагающим документом, регламентирующим параметры социально-экономической, средовой и институциональной трансформации региона и предполагающим

достижение следующих результатов развития Республики Башкортостан в перспективе до 2024 года:

- рост численности постоянно проживающего населения республики до 4 миллионов 100 тысяч человек;
- увеличение объема валового регионального продукта до 2 триллионов рублей;
- ежегодный прирост налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета на 10 %;
- вхождение республики в число регионов-лидеров по пяти ключевым направлениям, среди которых – создание условий для развития и повышения человеческого потенциала, формирование комфортной среды для жизни, обеспечение устойчивого экономического роста, создание благоприятного инвестиционного климата и формирование условий для развития предпринимательского сектора, улучшение качества региональной инфраструктуры.

Именно в этом указе отражены пути достижения поставленных целей, в том числе посредством создания научно-образовательного центра мирового уровня, строительства межвузовского студенческого городка (кампуса) в г. Уфе.

Реализация программы деятельности Центра связана в первую очередь с разработкой и реализацией прорывных технологических проектов на стыке образования, науки и бизнеса, обеспечивающих формирование архитектуры новой экономики региона, отличающейся особой устойчивостью к воздействию глобальных внешних и внутренних вызовов.

В рамках Программы деятельности Центра предусмотрены мероприятия, направленные на формирование эффективных мер поддержки системообразующих и быстрорастущих компаний за счет их облегченного доступа к финансовым рынкам путем привлечения в развитие и рост венчурных инвестиций; увеличение количества компаний-экспортеров на территории республики до 1400, а также удвоение объема несырьевого энергетического экспорта; создание предприятий с государственным участием в области биотехнологий, зеленой экономики, новой персонализированной медицины, нанотехнологий, робототехники и высоких гуманитарных технологий; внедрение действенных мер государственной поддержки в отношении организаций, реализующих технологические инновации; организацию объекта инновационной инфраструктуры (регионального оператора «Сколково»). Также на территории Республики Башкортостан запланировано ежегодное проведение мероприятий, в том числе международного масштаба, направленных на развитие научно-образовательной и инновационной сферы.

Среди результатов проекта НОЦ в Республике Башкортостан ожидаются институциональные изменения в высшем образовании. Региональная система высшего образования в условиях трансформации научных и образовательных организаций в рамках концепции «большого» университета, повышения конкурентоспособности университетов – участников программы стратегического академического лидерства, вовлечения предприятий реального сектора экономики в совместные с научно-образовательными организациями исследовательские, образовательные, технологические и предпринимательские проекты, включая корпоративное предпринимательство, позволит изменить позиции региона в рейтинге «Вклад региональных систем высшего образования в социально-экономическое развитие регионов России» (НИУ ВШЭ, 2017–2019). К 2024 году Республика Башкортостан из группы регионов с «умеренным» уровнем влияния попадет в группу регионов с «высоким» уровнем влияния, а к 2025–2026 гг. – перейдет в «высшую лигу» регионов-драйверов развития (см. рис. 3).

Рис. 3. Изменение позиций РБ по типам региональных систем высшего образования в разрезе трех субиндексов вклада в развитие регионов, рейтинг «Вклад региональных систем высшего образования в социально-экономическое развитие регионов России», ВШЭ

Программа деятельности Центра обеспечит рост вклада университетов – участников НОЦ, осуществляющих деятельность в Республике Башкортостан:

- в экономическое развитие Республики Башкортостан (рост налоговых отчислений вузов в бюджет региона, рост доходов, полученных от приезжающих студентов из других регионов РФ и из-за рубежа, увеличение соотношения средней заработной платы работников вузов к средней заработной плате в регионе на 30 % к 2024 г.);

- в развитие человеческого капитала (квалифицированные кадры, востребованные рынком труда);

- в инновационное развитие (рост показателей в инновационной сфере – рост количества патентов на изобретения, передовых производственных технологий, освоенных реальным сектором экономики, рост затрат на технологические инновации, рост вклада сектора исследований и разработок в ВРП до 1,5 % к 2024 г., а также рост объема цитирований публикаций в отечественной базе данных Российского индекса научного цитирования и международной базе Scopus).

Начиная с 2021 года, в периметр Центра включается реализация приоритетной региональной программы «Развитие инициативного бюджетирования в Республике Башкортостан», утвержденной постановлением Правительства Республики Башкортостан от 19 апреля 2017 года № 168.

Республика Башкортостан является лидером в России по развитию инструментов партиципаторного финансирования, получив наивысшее значение среди регионов России по доле бюджетных ассигнований, выделяемых из бюджета субъекта Российской Федерации и направленных на реализацию проектов инициативного бюджетирования, в общем объеме расходов бюджета субъекта Российской Федерации, – 1,25 %. Это единственный субъект Российской Федерации, где совокупная доля расходов на инициативное бюджетирование составила более 1 % (для сравнения, в большинстве субъектов Российской Федерации она не превышает 0,5 %).

В рамках трансформации системы инициативного бюджетирования в Республике Башкортостан и перевода ее (проектный центр инициативного бюджетирования) в инфраструктуру Центра планируется запуск пилотных проектов и программ, завязанных с инициативами в сфере образования и проводимых при поддержке участников НОЦ – образовательных организаций высшего образования и предприятий реального сектора экономики:

- реализация проектов инициативного бюджетирования, основанных на инициативах школьников (вовлечение обучающихся в процессы решения вопросов благоустройства местного значения – создание зон отдыха для обучающихся, организация музыкальных и телевизионных студий, школьных кинозалов, спортивных площадок и т.п.);

- реализация проектов инициативного бюджетирования по развитию инфраструктуры объектов общего образования «Школа НОЦ» (создание предуниверсариев, открытие корпоративных классов, лабораторий совместно с образовательными и научными организациями

высшего образования и предприятиями реального сектора экономики со специализацией в кон-турах исследовательской повестки НОЦ).

Таким образом, в рамках деятельности Центра ППМИ станет инструментом продвижения идеологии НОЦ в муниципальных образованиях региона, что позволит с привлечением средств граждан, муниципалитетов и предпринимательских структур, менторской поддержкой университетов и научных организаций, реализовать новые проекты развития.

Рис. 4. Институциональная трансформация Республики Башкортостан в 2020–2024 гг.

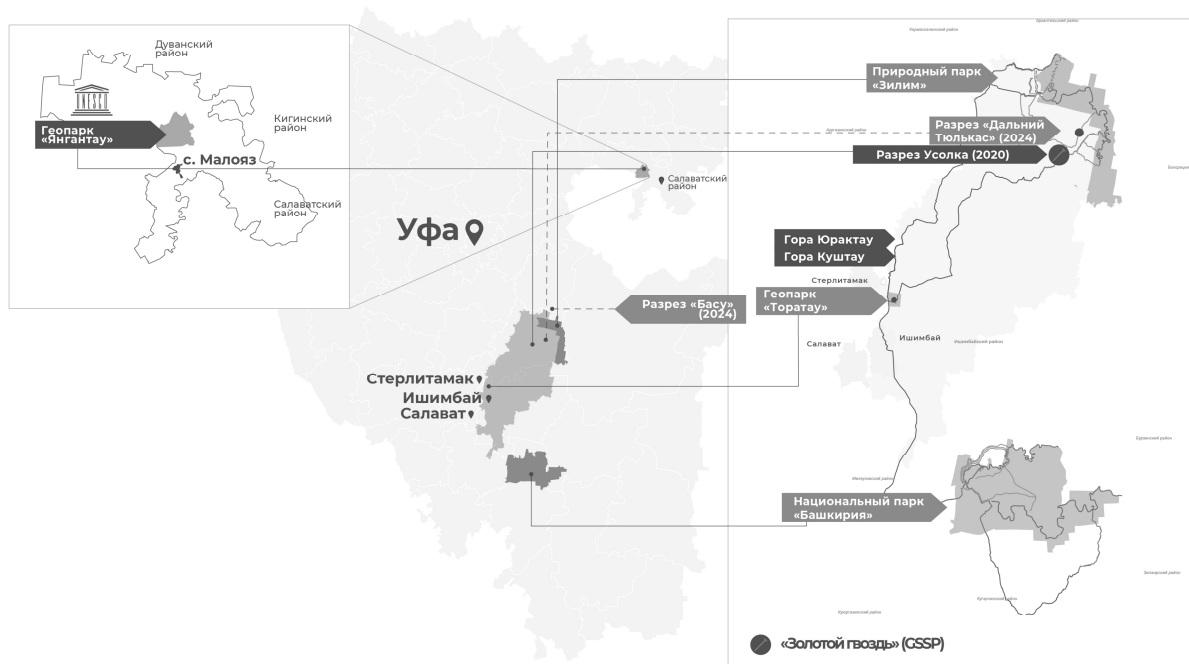

Рис. 5. Средовая трансформация Республики Башкортостан в 2020–2024 гг.

На рисунках 4 и 5 представлена карта институциональной и средовой трансформации Республики Башкортостан с территориальным распределением имеющихся на момент начала реализации программы деятельности Центра и планируемых к реализации на период до 2024 года объектов исследовательской, производственно-технологической и предпринимательской (включая туристскую) инфраструктуры.

Таким образом, развитие Евразийского научно-образовательного центра мирового уровня, реализация всех мероприятий положительно изменит научно-образовательный ландшафт региона и повлияет на ряд экономических показателей.

Литература

1. Евразийский научно-образовательный центр мирового уровня [Электронный ресурс]. URL: <https://nocrb.ru/>
2. Научно-образовательные центры мирового уровня [Электронный ресурс]. URL: <https://ноц.рф>
3. Официальная статистика Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: <https://bashstat.gks.ru>
4. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 28.12.2017 г. № 643 «Об утверждении стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан на период до 2030 года».
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.04.2019 г. № 537 (ред. от 12.10.2020) «О мерах государственной поддержки научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции образовательных организаций высшего образования и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики».
6. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <https://riarating.ru>
7. Указ Главы Республики Башкортостан от 23.09.2019 г. № УГ-310 «О стратегических направлениях социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2024 года».
8. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».
9. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
10. 2030 Vision for Industrie 4.0 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.plattform-i40.de/PI40/Redaktion/EN/Downloads/Publikation/Vision-2030-for-Industrie-4.0.html>
11. Horizon Europe structure and the first calls [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/info/horizon-europe_en/
12. NESTI 2050 National Energy and Environment Strategy for Technological Innovation towards 2050 / Council for Science, Technology and Innovation/ April 19, 2016 [Электронный ресурс] URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/nesti/honbun_e.pdf

О применимости теории экономического роста в модели инновационного развития современного университета

On the Applicability of the Theory of Economic Growth in the Model of Innovative Development of a Modern University

(DOI: 10.34773/EU.2021.2.2)

А. ДЕГТЯРЕВ, С. НОВИКОВ

Дегтярев Александр Николаевич, д-р экон. наук, директор Института стратегических исследований Республики Башкортостан (РБ), вице-президент, член-корреспондент Академии наук РБ. E-mail: aleks-degt@yandex.ru

Новиков Сергей Владимирович, канд. экон. наук, ректор Уфимского государственного авиационного технического университета. E-mail: rector@ugatu.su

Научная статья посвящена исследованию факторов экономического роста в инновационной экономике знаний, где университет является ключевым звеном национальной/региональной инновационной системы, источником генерации и трансфера новых знаний и компетенций из научно-технической сферы в экономику и социальную сферу. Основной причиной чрезвычайно низкого уровня конкурентоспособности инновационной системы России, обладающей колоссальным потенциалом инновационного производства, являются неэффективные модели управления и несовершенная институциональная среда. Модель экономического роста современного университета-корпорации строится на механизме формирования добавленной стоимости, возникающей вследствие функционирования инноваторов, включенных в системную логистическую производственную цепочку всех акторов инновационного процесса – от генерации новой идеи до коммерциализации в экономической сфере региона/страны/мира.

Ключевые слова: факторы экономического роста; инновационная экономика знаний; национальная/региональная инновационная система; инновационная деятельность университета; теория экономического роста П. Ромера; модель инновационного развития современного университета.

The scientific article is devoted to the study of the factors of economic growth in the innovative knowledge economy, where the university is a key link in the national / regional innovation system, a source of generation and transfer of new knowledge and competencies from the scientific and technical sphere to the economy and social sphere. The main reason for the extremely low level of competitiveness of the Russian innovation system, which has a huge potential for innovative production, is inefficient management models and an imperfect institutional environment. The model of economic growth of a modern university-corporation is based on the mechanism of formation of added value resulting from the functioning of innovators included in the system logistics production chain of all actors of the innovation process – from the generation of a new idea to commercialization in the economic sphere of the region/country/world.

Key words: economic growth factors; innovative knowledge economics; national/regional innovation system; university innovation; P. Romer's theory of economic growth; a model of innovative development of a modern university.

Выдающийся экономист XX века Йозеф Шумпетер, исследуя развитие мировых экономик в логике длинных волн Кондратьева, как известно, доказал, что главной движущей силой, локомотивом эволюционного процесса являются научно-технические инновации, обеспечивающие экономический рост. В свою очередь, исследованию этого феномена посвящено много работ выдающихся экономистов современности, в частности, хорошо известны дополняющие друг друга модели экономического роста, авторами которых стали Нобелевские лауреаты Роберт Солоу (1987 г.) и Пол Ромер (2002 г.). Неоклассическая теория экономического роста Р. Солоу, восходящая в своей основе к классической политэкономии и сформулированная для закрытых экономических систем, основана на учете динамики важнейших эндогенных факторов развития. Теория показала траекторию насыщающего развития макроэкономики, ограниченную в отсутствие экзогенных факторов исчерпанием внутренних ресурсов. Эндогенный технический прогресс, как

доминантный фактор устойчивого роста, стал основой оригинальной модели П. Ромера, дополнившей базовый контент теории.

Современные исследования, опирающиеся на шумпетерианскую парадигму о доминирующей роли технологических инноваций в эндогенной акселерации экономического роста, дополняют неоклассические модели экономического развития, но часто упрощают их отсутствием учета структурных и институциональных изменений социально-экономических систем, среди которых наибольший интерес представляет национальная инновационная система (НИС), ключевым звеном которой является университет [10]. В связи с этим возникает вопрос – применимы ли к современным университетам, как полноправным участникам рынка инноваций, теории экономического роста? Актуальность этого вопроса продиктована, помимо теоретического значения расширения применимости указанных концепций, еще и практической необходимостью наращивания вузовской составляющей в инновационном росте экономики страны.

Инновационная деятельность вуза осуществляется, как известно, в рамках триединой задачи – в образовательном процессе, ориентированном на достижение нового качества знаний студентов и творческого развития профессорско-преподавательского состава (ППС), в реализации задач научно-исследовательской повестки, направленной на создание новаций в соответствующей профессиональной сфере, а также в плане социально-экономического развития вуза как субъекта отрасли и социума. Трудно не согласиться с наблюдением авторитетных исследователей, обоснованно утверждающих, что «инновационная деятельность – это не вид, и тем более не сфера, а характер деятельности. Инновационной сферы, как предметной области, не существует, так как любая деятельность и в любой сфере – от экономики до образования, искусства и даже политики – может быть инновационной, если в нее привносится новое (знания, технологии, приемы, подходы) не новизны ради и не с целью подтверждения возможности практического использования нового, а исключительно для получения результата, отличающегося высокой востребованностью (социально-общественной, рыночной, оборонной и т. п.), и потому что “старое” себя (свои возможности) исчерпало» [5, 220]. Однако имеющиеся данные последних лет свидетельствуют об экстенсивном развитии вузовского сегмента в секторе исследований и разработок. Отсюда следует, что во всех указанных «ипостасях» университет, чтобы быть конкурентным, должен, как минимум, адаптировать чужие или генерировать собственные передовые практики инновационного развития во внешней среде, каковой для вуза является НИС – национальная инновационная система, в рамках которой, благодаря системному взаимодействию ее субъектов в соответствующем институциональном поле, реализуется инновационный процесс, обеспечивающий конверсию новых знаний и компетенций в новые продукты и технологии, потребляемые обществом.

Наиболее известными и авторитетными исследователями НИС являются К. Фриман (Великобритания) [16], Б. Лундвалл (Швеция) [17], Р. Нельсон (США) [18]. Они сформулировали базовые научные понятия указанного феномена, обратив особое внимание на его институциональную основу и субъектно-объектную конструкцию коммуникативной модели инновационного процесса. Расширению и углублению знаний науки и общества об инновационной повестке эволюции мировых экономик способствовали исследовательские работы Дж. Меткалфа, Ч. Эдквиста, А. Холла, С. Альберто [1], акцентировавших внимание на важности учета влияния разнообразных социально-экономических, политических, культурно-исторических и иных факторов на характер и динамику диффузии инноваций в экономике той или иной страны. Особенности региональных инновационных систем посвящены исследования М. Фишера [15], Л. Лейдесдорфа и Г. Ицковица [14], а к числу известных отечественных ученых, исследовавших национальные инновационные системы, можно отнести И.А. Рудскую [12], А.О. Грудзинского [6] и др.

Компаративный анализ эффективности различных национальных моделей НИС отражает эволюционную динамику мировых экономик. Для послевоенных 50-х гг. XX столетия в мировой практике была характерна линейная модель «технологического толчка» инновации (technology push), когда инициаторами создания новых видов техники и технологий выступали, как

правило, либо государство, либо конструкторско-технологические организации (в СССР все ОКБ и проектные институты были, как известно, государственными). Динамично развивающаяся экономика 60-х гг. внесла в повестку экономического развития свои коррективы, сформировав запросы рынка потребителя как заказчика инноваций (market pull), сохраняя на данном этапе истории линейный характер модели инновационного процесса. Однако синергия новых знаний и научных открытий вкупе с технологическим прорывом 70-х гг. прошлого века сформировали нелинейную модель инновационного процесса, описанную в трудах К. Фримена, С. Клайна, Н. Розенберга (к примеру, цепная модель – chain-link model), «учитывающую наличие обратных связей между этапами инновационной деятельности и различные источники инноваций, которые помимо научных открытий и потребностей рынка, включают уже существующие знания, которые являются внешними для компании, реализующей инновацию, а также те знания, которые были получены в процессе обучения на собственном опыте» [13, 19]. В 80-е годы XX века наибольшую популярность в инновационной сфере приобрела так называемая «интеграционная модель», зародившаяся в результате уникального национального проекта взаимодействия японских производственных гигантов, ориентированного на создание комплексной индустрии товаров народного потребления для будущих поколений. Активное внедрение информационно-коммуникационных технологий в передовых экономиках мира дало в 90-е годы «старт» сетевым моделям взаимодействия участников инновационного процесса, а развитие интернета, ставшего драйвером цифровой экономики в начале XXI века, материализовало современную информационную модель инновационного развития.

Российская экономика, в силу ее «догоняющего» типа развития, не столь быстро адаптирует передовые практики эволюции. Инновационный процесс, в данном случае, также не является исключением, поскольку в российском законодательстве до сих пор не определено даже само понятие НИС, а имеющиеся в ряде подзаконных актов определения имеют общий характер и не учитывают ни институциональные особенности нашего государства, ни коммуникативную модель его социально-экономической конструкции. Вместе с тем, как научный анализ, так и практика формирования национальной/региональной инновационной системы, подтверждают, что, как и во всем мире, именно университеты объективно являются источниками генерации и трансфера новых знаний и компетенций инновационного характера, ключевым звеном НИС.

Университетская инновационная система, являясь суверенной инфраструктурной экосистемой НИС, и будучи интегрированной в множественную сеть функциональных коммуникаций, отражающих ее функционирование в указанной предметной сфере, подвергается экзогенным и эндогенным факторам воздействия. Для анализа ее эффективности важно определить не только влияние бенефициаров системы стейкхолдеров и их ресурсную базу; конфигурацию коммуникаций и механизмов трансакций агентов множества в течение всего жизненного цикла инноваций, но также детерминанты и системные драйверы развития и барьеры, сдерживающие инновационный рост экономики. Так, к традиционным, практически «хрестоматийным» причинам низкой эффективности инновационной системы в нашей стране (равно – в регионах, отраслях экономики) относят: а) невостребованность отечественных научно-технологических разработок ввиду их неочевидной коммерческой перспективы для бизнеса; б) отсутствие материальной заинтересованности исследователей и разработчиков НИОКР в трансфере технологий из университетских лабораторий в производственные цеха; в) слабую практическую эффективность мер государственной инновационной политики. В итоге, в отечественной промышленности внедряется не более 5–7 % вузовских разработок, что на порядок меньше, чем в странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Причина банальна – отсутствие устойчивой и масштабной системной поддержки жизненного цикла научно-технологических разработок, особенно в лакуне, называемой «долиной смерти», когда исследовательский проект находится на этапе перехода от лабораторных испытаний к промышленному образцу, а его будущие экономические выгоды неочевидны. Эксперты это объясняют тем, что «если можно получать прибыль не ниже инновационной, и притом без рисков и

временного лага, никакими призывами, увещеваниями и принудительными мерами отношение бизнеса к инновациям не изменить...можно это условие кратко сформулировать так: пока инновационная рента будет существенно ниже всех остальных видов ренты (природной, властной), переход к инновационной экономике невозможен» [5, 222]. Очевидно, что только целенаправленная трансформация институциональной среды, стимулирующая инвестиции в человеческий капитал, позволит сделать доминантой делового мышления системную поддержку инновационного процесса, актуализировать эффективные инструменты распределения рисков и защиты результатов интеллектуальной деятельности.

Однако, несмотря на недостаточно высокий уровень интеграции российских университетов в НИС, вузы являются одним из ключевых субъектов НИС и формируют вместе с бизнесом её «повестку», выводя на рынок инновационной продукции свои научно-технологические разработки. Причем хорошо известно, что в условиях развитой экономики инновационная идея чаще всего рождается даже не в научной среде, а мотивируется рынком и оценивается рынком, вызывая функциональную «рефлексию» научного сообщества на вызовы в сфере общественного потребления и изменения окружающей среды (производственно-технологической, социально-экономической, природной). При этом, разумеется, научно-техническая деятельность, как в целом, так и в конкретных областях компетенций, должна располагать потенциалом, адекватным потребностям развития. Это соответствие исключительно важно для формирования адекватной инновационной стратегии всеми участниками НИС, особенно вузами, ставящими перед собой цели, касающиеся не только повышения эффективности в инновационном развитии, но и доходов от инновационной деятельности.

Сложность задачи, стоящей перед университетами, обусловлена рядом принципиальных обстоятельств, связанных как с природой инноваций, так и с механизмами их реализации. Достаточно сказать, что только в разрезе типологии признаков они имеют более десятка видов, что предопределяет особенности как исследовательских задач, так и «дорожных карт» их реализации. Так, от масштаба стоящих задач зависит – будут ли инновации носить стратегический, системный или локальный характер, а от степени новизны – радикальный (вплоть до создания базовой основы нового технологического уклада), или улучшающий, совершенствующий имеющиеся технологии. Области применения инноваций определяются, с одной стороны, структурой народнохозяйственного комплекса – от промышленных производств, формирующих соответствующие отрасли экономики, и непромышленного сектора (сфера услуг, кредитно-финансовые организации и проч.) до социальной сферы, традиционно олицетворяемой системами образования, здравоохранения и пенсионного обеспечения, и системой государственного и муниципального управления. При этом в многогранной палитре целеполагания они, в целом являясь функциональными, разделяются на производственно-технологические и организационно-управленческие, в том числе предусматривающие аналитику и стратегию развития (визионерский контент). Из научной литературы известна «дорожная карта», состоящая из пяти этапов коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности (РИД): а) выбор актуального направления исследований, маркетинг рынка и анализ потенциала вуза; б) план и подготовка программы коммерциализации, определение инвестпартнеров; в) управление РИД, инвентаризация по параметрам; г) правовое обеспечение статуса РИД на рынке; д) обеспечение трансфера РИД в производство на основе коммерческих договоров.

В этой цепочке взаимосвязанных функций важное значение имеет инновационный маркетинг (ИМ), особенностью которого является то, что он работает не с физически существующей промышленной или научно-технологической продукцией, а с ее разрабатываемой концепцией. Инновационный маркетинг концептуально опирается на методологическую основу классического маркетинга, известную по трудам М. Портера, Ф. Котлера, Ж. Ламбена, Дж. Эванса и др., а в современной практике бизнеса является предметом обстоятельного анализа ученых и экспертов, о чем свидетельствуют: международные форумы типа The Marketing Innovation Summit (IBM, Madrid, 2012); аналитический мониторинг успешности мировых компаний в этой сфере, регулярно публикуемый в сборнике издательства BusinessWeek и консалтинговой компании

Boston Consulting Group. ОЭСР, выпустившая «Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям» (Руководство Осло), регулярно осуществляет мониторинг указанных параметров с целью формирования стратегических подходов в инновационном развитии экономик Содружества.

ИМ исследует систему НИС/РИС, а потому должен сам носить системный характер (анализ рынков, бизнес-планирование, трансфер инновационной продукции (ИП) на рынки, рыночная стратегия, диффузия ИП, эффекты внедрения и мультипликации ИП). При этом значительную сложность составляют проблемы выявления востребованности инноваций, т.е. их латентный характер, что требует маркетинга рынка инноваций в сфере НИИ и вузов, научно-производственных предприятий и организаций. К категории устойчивых барьеров, стоящих на пути реализации «дорожной карты» функциональной интеграции акторов НИС, исследователи относят, помимо уже ранее обозначенных, различный производственно-технологический и временной ритм, конфиденциальность производственно-договорной документации, различные целеполагание и критерии оценки эффективности деятельности персонала [11]. Эффективность системы управления коммерциализацией продуктов инновационной деятельности, по завершении маркетингового этапа, в последующем определяется финансовой поддержкой, юридическим сопровождением, управлением лицензиями, трансфером готовой продукции на отраслевые рынки. Известен опыт использования различных методов инициирования, акселерации и поддержки инноваций: стартапы, научные парки, инкубаторы, спонсоры, консалтинг.

Стратегическое управление портфелем инноваций позволяет наращивать активы университета, повышать конкурентоспособность вуза, но без стратегических партнеров – государства и бизнеса – этот процесс становится малоперспективным. Однако, по факту, государство зачастую лишь декларирует в контексте многочисленных стратегий и программ системную и масштабную поддержку инновационным проектам, финансируя в основном лишь проекты в рамках программ нацбезопасности; бизнес активно закупает импортные технологии, не утруждая себя финансированием проектов по созданию опытно-промышленных установок, а общество интересуют в основном проекты социальной направленности, имеющие отношение к окружающей среде обитания. Имеющиеся практики поддержки инновационных разработок в рамках программ институтов развития (ФРП, РНФ, РВФ и др.) безусловно способствуют их продвижению, но сильно забюрократизированы и маломасштабны, поскольку доля внутренних затрат на исследования в России по-прежнему колеблется в пределах 1 % от валового внутреннего продукта, что в несколько раз ниже уровня аналогичных инвестиций в странах ОЭСР.

Современный облик инновационной экосистемы формируют новые парадигмальные реалии, определяемые как Technoscience (техносознание), описываемые моделью «тройной спирали» или четырехзвенной спиралью как «универсальная институциональная матрица для инновационного типа роста и условий непрерывных обновлений» [8, 40], концепция которой базируется на эволюционной теории, объясняющей преобразование экономических систем технологическим прогрессом. Заметим, что мы рассматриваем коллаборации современного университета с индустриальными партнерами именно в рамках так называемой «винтовой» четырехзвенной модели НИС, где на эффективность интеграции двух указанных профильных акторов мега-системы оказывают существенное влияние два других – власть и социум, поскольку, по нашему мнению, схемы известной западной модели функциональной коллаборации по принципу «тройной спирали» Генри Ицковица уже не актуальны, поскольку они были ориентированы на индустриальный тип экономики и не обеспечивают желаемых масштабных результатов в условиях перехода к экономике знаний и глобальной цифровизации. В рамках эволюционного развития наука, бизнес и власть активно меняют форматы взаимодействия, нацеливая деятельность элементов системы на обеспечение эффективного результата для экономики и общества. Фактическое взаимодействие акторов НИС, осуществляемое в четырехзвенном формате, с учетом указанных факторов и нарастающего влияния социума (который не только «поставляет» на рынок трудовые ресурсы, но и формирует потребительский спрос и критерии качества жизни

населения – а ради него, собственно, и выстраивается вся стратегия устойчивого экономического роста), еще больше усложняет задачу инновационного развития страны и регионов.

По мнению многих исследователей, основной причиной чрезвычайно низкого уровня конкурентоспособности инновационной системы России, обладающей при этом колоссальным потенциалом инновационного производства, являются не недостаток ресурсов в научно-образовательной или производственной сфере, а неэффективные модели управления и несовершенная институциональная среда. Для преодоления этого негативного фактора в составе НИС должны быть устойчивые институты развития (финансово-экономические, технологические, организационно-управленческие), нацеленные на решение системных проблем экономического роста на основе инновационного развития в условиях конкурентной среды. Инновационное развитие, как стратегический ресурс, должно быть нацелено на преодоление достигнутых рубежей развития и порога эффективности, обеспечение устойчивого экономического роста на основе качественного преобразования общественно-экономической системы (в общем случае – в контексте конверсии экономических, социальных и политических институтов) в условиях новых вызовов времени. Сегодня уже становится очевидным, что в контексте постиндустриальной парадигмы экономические системы видоизменяют модель роста и реформируются в кластерную модель с сетевыми способами координации, где ключевую роль должны играть новые университетские комплексы как интерактивные сетевые центры коллаборации (collaboration). Их основное отличие от большинства современных вузов, традиционно копирующих модель индустриальной экономики, нацеленной на массовое производство однотипной продукции и эффект от масштаба (*economy of scale*), заключается в непрерывной генерации и закреплении новаций/обновления в сфере профессиональных знаний и компетенций (*economy of scope*) – ключевой характеристики постиндустриальной экономики.

Таким образом, с учетом исключительной важности инновационного развития экономики для обеспечения глобальной конкурентоспособности страны и ее регионов, сегодня становится ясно, что перед экономической наукой в контексте описываемых процессов стоят задачи не только прикладного аналитического характера, позволяющие выработать те или иные рекомендации по формированию стратегии управления инновациями, но и фундаментального – с целью теоретического обоснования перспектив устойчивого экономического роста на основе новой парадигмы.

В основе предлагаемой методологии – концептуальный подход эндогенно/экзогенной функционально-векторной модели взаимодействия ключевых факторов производства П. Ромера, качественно дополнивший базовую модель экономического роста Р. Солоу. Суть базовой модели экономического роста предельно проста, ибо описывает производство конечного продукта с использованием двух факторов производства – капитальных мощностей и рабочей силы, и констатирует, что в данной модели экономический рост может идти только посредством накопления капитальных мощностей за счет инвестиций, имеющих ограниченный ресурс. Вследствие этого, как известно, экономика демонстрирует убывающий предельный продукт, что при неизменной рабочей силе, даже при существенном накоплении капитальных мощностей, без инвестиций извне ведет к затухающему экономическому росту. Именно этот процесс в его логической последовательности мы наблюдаем в университетах, развитие которых осуществляется на основе экстенсивной модели механического наращивания их потенциала (материально-технической базы, численности студентов, мультиплицирования структурных подразделений и проч.) и «накачивания» финансовых ресурсов под программы вчерашнего дня.

Модель Пола Ромера, разработанная применительно к производственной сфере, предусматривает инвестиции в физический капитал и исследования компаний, которые, с учетом текущего уровня технологий, общего для соответствующей отрасли, берутся за разработку инновационной продукции или технологии. Непременным условием такой инвестиционной стратегии является оформление результатов НИОКР как «ноу хау», что на основе действующего законодательства о правах на интеллектуальную собственность ограничивает доступ к ним иных субъектов экономической деятельности и, как следствие, делает фактор снижения производительности труда

временно исключаемым. Все это дает не только дополнительный экономический эффект компаниям-лидерам инновационного процесса, но и позволяет мультиплицировать технологический прорыв в масштабах отраслевой/ национальной/мировой экономики. В итоге, «навыки и технологии, создаваемые в одной отрасли, передаются в другие, и, таким образом, отдача от инвестиций в инновации перестает быть убывающей для экономики в целом» [7, 19–20], подтверждая теорию инновационного развития экономики Йозефа Шумпетера.

Указанная модель, по нашему мнению, полностью применима к современным корпоративным университетам, выстраивающим свою эволюционную стратегию на основе концепции инновационного развития. Алгоритм модели экономического роста по Ромеру, применительно к университету-корпорации, определяется дуалистичностью его функционального дизайна (образовательная и исследовательская функция) и параметрами инновационной системы вуза в многомерных координатах кластерного пространства региональной/национальной инновационной системы. Граничными условиями применимости описываемой модели (в пределах которых модель действительна) будут: а) нулевой эффект от внедрения созданных в университете новаций для экономики и социальной сферы; б) превышение финансового эквивалента предпринимательской деятельности университета над соответствующими параметрами его конституционной деятельности (что влечет смену статуса субъекта). Университет, как субъект экономической деятельности, осуществляет образовательную деятельность по лицензированным направлениям (специальностям) подготовки кадров высшей квалификации для различных отраслей экономики и социальной сферы, ведет исследовательскую деятельность (фундаментального и прикладного характера), направленную на достижение новых знаний о человеке и окружающем его мире, а также создание новых видов техники и технологий для различных отраслей экономики и социальной сферы. Под экономическим ростом в отношении университета в контексте рассматриваемой задачи понимается маргинальная динамика финансово-экономических параметров университета, учитывающая доходы от реализации образовательных услуг сверх государственного заказа и коммерциализации исследовательских проектов. В традиционной модели развития университета при неизменной структуре и численности студентов и ППС, или линейной динамике этих параметров, влекущей линейный рост бюджетных инвестиций, а также стабилизации или наращивании объемов научных исследований и разработок по госзаказу или договорам с хозяйствующими субъектами, мы наблюдаем затухающий экономический рост. Причиной тому – либо пределы инфраструктурного роста и контингента (обусловленные ограниченностью ресурсной базы), либо отсутствие спроса на РИД университета на отраслевых рынках. При достижении пределов творческой производительности труда вузовских профессоров и исследователей и отсутствии внешних инвестиций (экзогенный фактор) дальнейшее развитие университета, основанное на экстенсивной модели, в условиях растущей конкуренции перспективы не имеет. Отсюда главный вывод: инвестиции, направленные в университет из внешних источников, в зависимости от их объемов и целей инвестирования лишь временно обеспечивают его развитие в намеченных направлениях, но, не будучи поддержанными внутренними инвестициями, сформированными за счет коммерциализации РИД и их «инновационной ренты», не могут обеспечить долговременный и устойчивый экономический рост.

Как же обеспечить долговременный и устойчивый экономический рост университету, как субъекту инновационной системы страны/региона, в условиях растущей конкуренции? Очевидно, что такая экономическая модель современного университета-корпорации должна строиться на механизме формирования добавленной стоимости, возникающей вследствие функционирования инноваторов, включенных в системную логистическую производственную цепочку всех акторов инновационного процесса – от генерации новой идеи (к примеру, на основе запросов рынка) – до коммерциализации в экономической сфере региона/страны/мира. При обосновании идеи о применимости теории экономического роста к университетской системе страны следует учитывать определенные обстоятельства. Во-первых, следует понимать, что, в отличие от рынков производителей материальной продукции, для которых разрабатывалась классическая теория, на рынке образовательных услуг не происходит каждодневной смены игроков (вузов), как

это имеет место в других сферах экономики, где ежедневно рождаются и умирают, не выдержав конкуренции, тысячи фирм. Этот рынок не похож и на условно-конкурентную среду промышленных госкорпораций, ведущих экономическую деятельность на рыночных условиях, но стабильно имеющих государственный заказ, диктуемый необходимостью обеспечения государственной безопасности в области обороны, продовольствия, освоения космического пространства и проч. Сегодня рынок высшего профессионального образования и взаимосвязанных с ним исследовательских проектов и программ ограничен, и представляет собой своеобразный слепок некогда сформированной структуры производительных сил СССР, для нужд которых готовились инженерные и прочие кадры высшей квалификации, а конкуренция среди вузов ведется в основном за федеральные бюджетные ресурсы. Закон об образовании (№ 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г.) открыл широкие возможности для творческого развития системы образования и экономического многообразия форм и методов организации научно-образовательной деятельности университетов, однако не изменил самого характера их конкурентной борьбы. Настоящим «триггером» – спусковым крючком для старта масштабного процесса формирования конкурентных стратегий университетов России стали перманентные и всеобъемлющие антироссийские санкции, вынудившие отечественную экономику повернуться лицом к отечественным научно-технологическим разработкам. На смену схоластичным и формализованным стратегиям и программам, построенным все по тем же порочным схемам раздачи денег на поддержание тупиковых направлений развития, пришли концептуальные стратегии инновационного развития, амбициозно и прагматично поставившие задачи по динамичному развитию и «реновации» всей отечественной научно-образовательной системы с целью обеспечения России лидирующих позиций в мировой конкурентной гонке на рынках передовых технологий. Стратегия научно-технологического развития России на период до 2030 года и Национальные проекты «Наука», «Образование», «Приоритет-2030» обозначены в ряде правительственных документов как приоритеты национального развития. Эти амбициозные задачи и их институциональное обеспечение открывают перед университетами принципиально новые возможности для развития на основе инновационной парадигмы, обеспечивая им условия для устойчивого экономического роста.

Однако неоклассическая модель сбалансированного экономического роста Р. Солоу в данном случае не может обеспечить ожидаемый результат экономического развития, в силу того, что лишь инновационный процесс способен материализовать (по П. Ромеру) не убывающую, а возрастающую предельную результативность затрат «производства». Механизм реализации данной концепции может быть реализован следующим образом. Целевые инвестиции в физический капитал и исследования, направленные на реализацию инновационной модели развития университета по любому из трех возможных направлений – образовательному, исследовательскому или организационно-управленческому (или по всем трем вместе взятым), должны обеспечить создание защищенной патентом или иным нормативным документом новации, востребованной на соответствующих отраслевых рынках. При этом инвестиции должны быть внешними по отношению к субъекту, генерирующему новации, поскольку, как подчеркивал Й. Шумпетер, инновации «должны финансироваться путем обращения к источнику кредита вне циркулирующего денежного потока предприятия» [19]. В дальнейшем институты развития региональной/национальной инновационной системы обеспечивают трансфер новых инновационных продуктов в сферу их производства/тиражирования на условиях правовой защиты РИД и обеспечивают университету-разработчику новации соответствующую ренту, которая реинвестируется в развитие точек роста новых инноваций в университете. Модель предусматривает инвестиции с учетом текущего уровня технологий/образовательных продуктов/управленческих моделей, давая за счет новаций дополнительный экономический эффект не только университетам-лидерам инновационного процесса, но и мультиплицируя суммарный уровень национальной/региональной/отраслевой экономики. Причем более важным становятся уже не просто объемы производства, а производительность и качество труда, достигнутые за счет использования передовых технологий. В дальнейшем цикл инвестиционных программ повторяется, обеспечивая прогнозируемый экономический рост как университету-корпорации, так и «обслуживаемой» им

отрасли экономики или социальной сфере, что делает отдачу от инвестиций в инновации неубывающей. Очевидно, что для инновационного типа экономического роста главным фактором развития является человеческий капитал, что обуславливает формирование новой экономики – экономики знаний и высоких технологий, а его развитие становится залогом долгосрочного успеха мировых экономик, что отмечают ведущие эксперты и аналитики ОЭСР, мировых научных центров и экономических форумов, нобелевские лауреаты Т. Шульц (1979 г.), Г. Беккер (1992 г.), а также российские ученые Г.В. Осипов, Р.И. Капелюшников и др. [4].

Безусловно, представленная модель экономического развития носит теоретический характер и требует, в случае практического применения, учета многих реалий российской экономики и динамично меняющихся мировых трендов, в том числе цифровизации, как эффективного драйвера и производственного ресурса, а также особенностей институциональной основы отечественной национальной/региональной инновационной системы, поскольку правовая среда способствует или, напротив, препятствует эффективному взаимодействию элементов системы. Масштабный качественный сдвиг инновационного характера в рамках этой сложной системы возможен только в контексте долгосрочного стратегического развития при соответствующем проектировании, включающем целеполагание, анализ экономико-инновационного потенциала, эндогенных и экзогенных факторов, формирование системы индикативного планирования системных управленческих решений. Таким образом достигается синергия стратегического и проектного инновационного управления долгосрочным развитием социально-экономических систем (университетов) в контуре национальной/региональной инновационной системы.

Литература

1. Алнафра И. Влияние построения и развития национальной инновационной системы на процесс перехода к экономике знаний. Диссертация. 2020. 216 с.
2. Астафьева М.П., Зятева О.А., Пешкова И.В., Питухин Е.А. Анализ показателей эффективности деятельности российских вузов // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 1. С. 4–18.
3. Беккер Г. Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ. Чикаго, 1964.
4. Валебникова О.А. Управление человеческим капиталом на основе интеллектуально-ориентированного консалтинга в интересах развития инновационной деятельности предприятия. Диссертация. 2020. 178 с.
5. Ващенко В.П. О факторах инновационного развития /Альманах «Наука. Инновации. Образование». № 14. 2013. С. 211–223.
6. Грудзинский А.О., Бедный А.Б. Концепция конкурентоспособного университета: модель тетраэдра // Высшее образование в России. 2012. № 12. С. 29–36.
7. Замулин О.А., Сонин К.И. Экономический рост: Нобелевская премия 2018 года и уроки для России // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 11–36.
8. Корниенко О.А., Рыжикова Т.Н. Генезис инновационной экосистемы как системы производства знаний и национальной конкурентоспособности // Инновации в менеджменте. № 21. 2019. С. 38–44.
9. Национальные инновационные системы в России и ЕС: опыт, проблемы, перспективы: монография / Н.Н. Бондарева и др.; под ред. В.В. Иванов, Н.И. Иванова, И. Розебум, Х. Хайсберс. М.: ЦИП-РАН РАН, 2006. 280 с.
10. Новиков С.В. Функциональные параметры технического университета в коммуникационной модели национальной инновационной системы // Вестник УГАТУ. 2020. Т. 24. № 4. С. 126–132.
11. Овчинникова Н.Э. Взаимодействие университета с индустрией 2.0 // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 3. С. 61–72.
12. Рудская И.А. Оценка эффективности региональной инновационной системы России по стадиям инновационного процесса // NBI-technologies. 2017. № 11. С. 23–34.
13. Силакова Л.В. Формирование и развитие механизма интеграции университета в национальную инновационную систему. Диссертация. 2016. 220 с.
14. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Triple Helix-University-Industry-Government relation: A laboratory for knowledge based economic development // EASST review. 1995. № 1 (14). Pp. 14–19.

15. Fischer M.M. Innovation, knowledge creation and system of innovation // The annals of regional science. 2001. № 2 (35). Pp. 199–216.
16. Freeman C. The National System of Innovation in historical perspective // Cambridge Journal of economics. 1995. Т. 19. № 1. Pp. 5–24.
17. Lundvall B.A. National System of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. London: Pinter, 1992. 317 p.
18. Nelson R., Rosenberg N. Technical Innovation and National Systems. Oxford University Press, 1993. Pp. 3–21.
19. Schumpeter J.A. Theory of Economic Development. Routledge, 2017.

Этапы трансфера научных результатов в экономику страны и взаимосвязь институциональных, экономических и организационных условий, определяющих его эффективность

Stages of Transfer of Scientific Results to the Country's Economy and the Relationship of Institutional, Economic and Organizational Conditions that Determine its Effectiveness (DOI: 10.34773/EU.2021.2.3)

И. ЗУЛЬКАРНАЙ

Зулькарнай Ильдар Узбекович, д-р экон. наук, директор Центра стратегических и междисциплинарных исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. E-mail: zulkar@mail.ru

В статье проведен рамочный анализ институциональных, экономических и организационных условий функционирования российской экономики, определяющих степень эффективности трансфера научных результатов в экономику страны. Выделены различные этапы трансфера: потребность в научном поиске, фундаментальные научные знания, формирование потребности в инновационной продукции, научно-практические знания, работающий опытный образец, серийное производство, обеспечение спроса. На каждый из этих этапов трансфера влияют формальные институты, экономические и организационные условия, при этом последние также взаимодействуют между собой. Качество формальных и неформальных институтов, экономических и организационных условий функционирования каждого этапа, в совокупности с качеством взаимодействия между институтами и организационно-экономическими условиями определяют качество трансфера знаний в экономику страны.

Ключевые слова: трансфер знаний в экономику, научно-технический прогресс, институты, экономические условия, организационные условия.

The article provides a general analysis of institutional, economic and organizational conditions of functioning of the Russian economy that determine the degree of efficiency of the transfer of scientific results in the country's economy. Different stages of transfer are distinguished: the need for scientific search, fundamental scientific knowledge, formation of the need for innovative products, scientific and practical knowledge, working prototype, serial production, ensuring demand. Each of these stages of transfer is influenced by formal institutions, economic and organizational conditions, the latter also interacting with each other. The quality of formal and informal institutions, economic and organizational conditions of functioning of each stage, together with the quality of interaction between institutions and organizational and economic conditions determines the quality of knowledge transfer in the country's economy.

Key words: knowledge transfer in the economy, scientific and technological progress, institutions, economic conditions, organizational conditions.

* Исследование проведено в рамках выполнения НИР по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ.

Введение

При всем том, что СССР, сменивший в государственном устройстве и территориальном охвате царскую Россию, и являющийся предшественником современной России, был одной из двух сверхдержав, определявших миропорядок прошлого века, в ретроспективе веков наша страна хронически отставала в технологическом отношении от своих европейских соседей, а затем и от США. Конечно, были периоды ускоренного и успешного развития, в том числе технологического, как раз в XX веке, когда были достигнуты выдающиеся успехи в освоении космоса и в обеспечении обороноспособности страны. Однако в среднем на протяжении десятилетий и столетий сохраняется лаг отставания России от ее европейских соседей, а в последние полвека – и от азиатских соседей.

На фоне технологического отставания растет зависимость России от «нефтяной иглы» и других натуральных ресурсов, которая существенно возросла даже по сравнению с советским периодом. Это создает угрозы устойчивости сложившейся в России ориентированной на добычу природных ресурсов экономики перед лицом волатильности мировых цен на ресурсы и устойчивого относительного снижения цен на них в связи с развитием экономики знаний. Кроме того, приближение четвертой промышленной революции в мире [5] в этом отношении обещает падение мировых цен на нефть, основной экспортный товар России, до себестоимости ее добычи в Персидском заливе (менее 5 долларов за баррель), что сделало бы нерентабельной добычу углеводородов в стране, по крайней мере для экспорта.

Все эти и другие факторы делают особенно актуальным создание в стране таких институциональных, экономических и организационных условий, которые обеспечили бы эффективный трансфер разработок отечественных ученых и изобретателей в экономику России. Для этого необходимо разрешить нерешенное противоречие между наличием в России на протяжении десятилетий огромного научного и образовательного потенциала, с одной стороны, и хроническим технологическим отставанием страны, с другой. Отставание СССР объяснялось командно-централизованной экономикой, но и переход к рыночным отношениям не только не ускорил трансфер технологий, но даже замедлил его, несмотря на предсказание экономической теории о том, что частные предприниматели сами заинтересованы в инновациях. Применительно к рыночным экономикам есть теории о ресурсной зависимости стран («голландская болезнь»), однако примеры технологически развитой Норвегии и некоторых арабских нефтедобывающих стран, также осуществляющих бурное технологическое развитие и диверсификацию экономики, противоречат этим теориям. Есть теории, объясняющие сложившиеся отношения между инновациями и реальной экономикой менталитетом народа, политическими институтами, природно-географическими условиями России и др., но удовлетворительного решения проблемы в настоящее время нет.

В этой статье мы излагаем общий подход к решению задач выявления институциональных, экономических и организационных условий взаимодействия экономических агентов в России, которые препятствуют эффективному трансферу разработок отечественных ученых и изобретателей в экономику России.

Методы и результаты

Основной метод решения поставленной задачи – метод анализа примеров естественного процесса трансфера знаний в экономику, в соответствии с которым весь трансфер должен быть разложен на составляющие его этапы, обладающие определенной целостностью и обособленностью друг от друга.

В узком понимании трансфер знаний в экономику предполагает, что знания уже существуют, и требуется понять, как они реализуются в реальной экономике. Однако, возникновение прикладных знаний из фундаментальных, и возникновение фундаментальных знаний самих по себе не являются неизбежными для общества и страны явлениями. Вполне может быть, что прикладные знания по какой-то причине не генерируются из фундаментальных, а также фундаментальные знания могут не возникать по целому ряду причин. В этой связи обратимся к примеру Финляндии, бывшей еще в первой половине XX века главным образом сельско-

хозяйственной страной, эксплуатировавшей свои богатые лесные ресурсы, а к концу XX века ставшей одним из ведущих драйверов технологического развития (Nokia). Становлению новой для Финляндии электронной индустрии предшествовала огромная работа по развитию высшего образования и науки: большое количество финских студентов направлялось на обучение в европейские, главным образом в германские, университеты, а иностранные профессора приглашались на работу в финские университеты [2; 3]. Проводилась подготовка математиков, физиков, как специалистов инженерного профиля, так и научных работников в области фундаментальных исследований. Все это создало достаточный научный потенциал страны для производства прикладных научных знаний и технологического рывка страны.

Здесь можно задать вопросы: а насколько важно для страны развивать фундаментальную науку? Может быть, достаточно развивать прикладные исследования, которые использовали бы результаты фундаментальных наук, развиваемых в других странах? На этот вопрос можно ответить следующим образом. Во-первых, хотя фундаментальные научные знания являются чистым общественным благом, в общем и целом доступным всему миру бесплатно, независимо от страны их происхождения, некоторые фундаментальные знания могут быть засекречены, как это случилось в области ядерной физики в период разработки Германией, США и СССР ядерного оружия. Во-вторых, чтобы фундаментальные научные знания перетекали в прикладные, необходимо поддержание в стране определенного уровня научной культуры – должны быть специалисты, способные понять фундаментальные знания, возникшие в другой стране, а для этого надо развивать таковые в собственной.

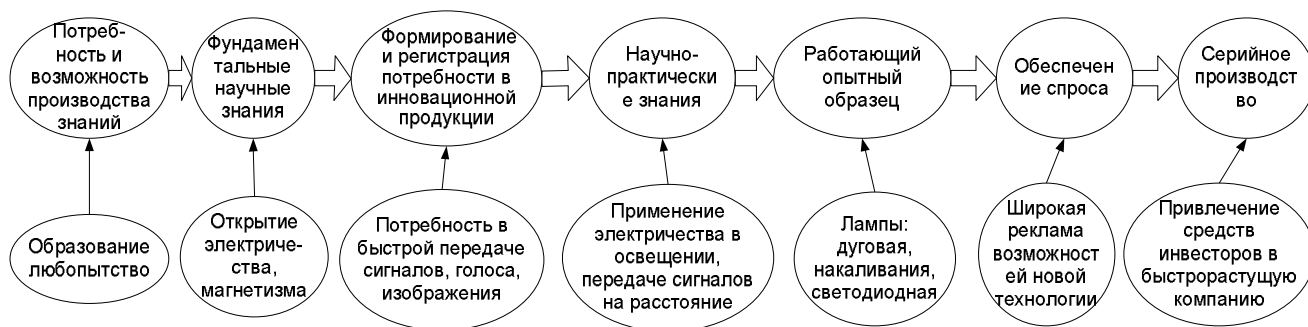
Таким образом, на роль первого этапа трансфера знаний в экономику, в широком его понимании, может претендовать производство фундаментальных знаний. Однако общество будет производить что-то, в частности фундаментальные знания, при двух условиях: когда есть общественная потребность в производстве знаний, и когда есть возможности их производства. Когда-то, на заре человечества, потребностью людей было совершенствование орудий охоты, и они добывали фундаментальные знания о свойствах камней путем, говоря современным языком, сравнительного анализа их твердости и поведения при раскалывании. А прикладными знаниями были конкретные, изобретенные первобытными людьми технологии изготовления наконечников стрел, розжига костра и т.д., кстати, во многом утерянные в наше время. Возможности общества той эпохи заключались в свободном от охоты и приготовления пищи времени, которое первобытные люди могли посвящать своим «научным исследованиям».

Если продвигаться вперед по страницам школьного учебника истории, то мы легко увидим, что по мере роста производительности труда, страны, добивавшиеся в этом больших успехов, были способны содержать больше людей, занимавшихся науками и искусствами, а не занятых физическим трудом. Наиболее яркими примерами являются Древний Китай, Древняя Греция (расцвет философии, основание геометрии), а позже – экономически продвинутые мусульманские страны средневековья, в которых проводились исследования в области медицины, расцветали поэзия и другие виды искусств. К примеру, в IX веке центральноазиатским ученым Аль-Хорезми была основана алгебра (ему принадлежит также термин «алгоритм»), а Абу-Али-ибн-Абдаллах-ибн-Сина (больше известный как Авиценна) в XI веке внес огромный вклад в развитие медицины.

Тем самым, производству фундаментальных научных знаний предшествует возникновение общественной потребности в их производстве, а также в возникновении и развитии возможностей общества содержать особую профессиональную группу – ученых, исследователей (рис. 1). На личностном уровне, сами члены общества также должны обладать любопытством, желать заниматься наукой, что в разных обществах выражено по-разному в силу религии, культуры, иных обстоятельств.

Общественная потребность в фундаментальных знаниях, соединенная с общественной же возможностью содержать ученых, да еще при наличии в обществе людей, обладающих любопытством, желанием заниматься фундаментальной наукой, конечно, приведет к их расцвету.

Последовательность этапов трансфера знаний в экономику страны

Примеры, иллюстрирующие этапы трансфера знаний в экономику страны

Рис. 1. Этапы трансфера знаний в экономику и примеры, иллюстрирующие эти этапы

Однако производство фундаментальных знаний, являясь необходимым условием производства прикладных знаний, полезных обществу технологий, не является достаточным для производства последних. Возвращаясь к вышеупомянутым примерам мусульманских ученых средневековья, нетрудно заметить, что хотя они и производили фундаментальные знания как общественное благо (публиковали свои книги), тем не менее, они не встречали общественного спроса на широкое применение этих знаний, на перетекание их в научно-прикладную плоскость. По существу, эти ученые были своеобразным украшением монархических домов, при которых они служили, а в практическом плане они развлекали своих патронов знаниями и, в лучшем случае, применяли свои знания для лечения вельмож.

Для формирования научно-практических знаний, новых технологий, необходимы, очевидно, какие-то благоприятствующие им институциональные, организационные и экономические условия. История развития человечества свидетельствует, что степень благоприятствования этих условий скачкообразно возросла с развитием капитализма [6]. К примеру, открытие электричества и магнетизма первоначально не воспринималось как появление практически полезных знаний. Но последовавшее затем возникновение телеграфа, телефона и радио стало возможным благодаря способствовавшим этому институтам. Именно ими можно объяснить то, что бурное распространение по миру беспроводной передачи сигналов (радио) началось с изобретения итальянца Маркони, а не аналогичного изобретения русского ученого Попова, хотя последний продемонстрировал свой прибор на 2 месяца раньше, чем Маркони. Конечно, перечисленные изобретения отвечали общественному запросу на быструю передачу сигналов, голоса, текста, но этот спрос существовал всю историю человечества и только в самом конце XIX века встретил предложение.

Итак, только в условиях наличия благоприятных институтов, организационных механизмов и экономических условий спрос на инновации может встретить соответствующее предложение в виде научно-практических знаний и опытного образца. Последние следует разделить на два последовательных этапа, т.к. разработкой научно-практических знаний могут заниматься много инженеров, но не все доходят до создания работающего опытного образца, и результат их работы способен заинтересовать потенциальных потребителей и инвесторов в разной степени. Так, например, первый опытный образец беспроводного телеграфа Маркони позволял передавать телеграмму на 2,5 км, а первые опытные образцы аппарата Попова, демонстрируемые примерно в это же время, передавали только отдельные сигналы (буквы) и только на расстояния нескольких сотен метров [4].

Наличие удачного во всех отношениях опытного образца изобретения далеко не всегда означает его массовое распространение в обществе. Так, изобретателем телескопа обычно считают Галилео Галилея, который в XVII веке использовал для наблюдения за небом подзорную трубу с трехкратным увеличением. Но чертеж двухлинзовой подзорной трубы существует и

в записях Леонардо да Винчи, жившего столетием раньше. А первые опыты с вогнутыми линзами ставил еще английский монах Роджер Бэкон в XIII веке! Да и после Галилея прошло много времени, прежде чем подзорные трубы стали широко применяться в мореплавании. Таким образом, формирование массового спроса на инновационную продукцию является важным условием перехода к последнему этапу трансфера знаний в экономику – к этапу серийного производства инновационного продукта (рис.1). Этот последний этап, даже при наличии общественного спроса на инновационную продукцию, может не реализоваться или реализоваться не в полной мере. Например, объемы производства телевизоров, автомобилей в СССР были намного меньше, чем того требовал массовый спрос. Также, СССР обладал военными технологиями, аналогичными американским, но они, в отличие от американских, не переходили в производство гражданской продукции в силу режима секретности.

Обсуждение

Выделенные 7 этапов трансфера научных знаний в экономику обладают высоким уровнем самостоятельности существования, почти не пересекаются между собой, и могут следовать только в том порядке, каком мы выстроили их на рис.1. Как уже отмечалось выше, успешность перехода от этапа к этапу зависит от институтов общества, организационных механизмов, сложившихся в государственном аппарате, в корпоративном управлении, а также от экономических условий этого трансфера, действующих в стране. Эти три группы факторов также взаимодействуют между собой, что осложняет задачу выявления причин низкой эффективности этого трансфера в России. Кроме того, и факторы в пределах одной группы также довольно сложно и взаимно действуют друг на друга. Так, взаимодействие формальных и неформальных институтов между собой носит взаимообусловленный характер. Например, формальный институт частной собственности на лес, существующий в Финляндии уже столетия [1], создал неформальные институты рачительного хозяйствования, ответственного отношения к природным ресурсам, трудолюбия, которые, в свою очередь, дали старт созданию формальных институтов, а также организационных и экономических механизмов новой индустриализации инновационного характера [2; 3].

Заключение

Проведенное обсуждение позволяет определить группы вопросов, которые необходимо исследовать для выявления препятствий эффективному трансферу знаний в экономику России, а также для разработки предложений по преодолению этих препятствий: 1) Влияние формальных институтов, организационных и экономических условий деятельности на неформальные институты, участвующие в каждом этапе трансфера знаний в экономику; 2) Влияние неформальных институтов общества на формирование формальных институтов, организационных и экономических условий, определяющих каждый этап трансфера знаний в экономику; 3) Влияние неформальных институтов на каждый из 7 этапов трансфера знаний в экономику; 4) Влияние формальных институтов на каждый из 7 этапов трансфера знаний в экономику; 5) Организационные условия осуществления каждого из 7 этапов трансфера знаний в экономику; 6) Экономические условия каждого из 7 этапов трансфера знаний в экономику.

Литература

1. Зулькарнай И.У. Вопросы частного лесовладения в Финляндии // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2016. № 1-1 (30). С. 60–63.
2. Ислакаева Г.Р. Реформы финской лесной отрасли, обеспечившие ее мировой уровень // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15. № 3. С. 553–564.
3. Ислакаева Г.Р., Зулькарнай И.У. Региональная политика в сфере высшего профессионального образования в условиях усиления международной конкуренции // Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2013. № 2 (4). С. 67–73.
4. Никитин Е.Н. Изобретатель радио – А.С. Попов. М.: Просвещение, 1995.
5. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2018.
6. North D.C., Thomas R.P. The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge University Press, 1973.

Оценка сдвигов в занятости субъектов Российской Федерации
Assessment of Shifts in the Employment of the Subjects of the Russian Federation
(DOI: 10.34773/EU.2021.2.4)

**Р. АХУНОВ, Р. НИЗАМУТДИНОВ,
А. ЯНГИРОВ**

Ахунов Рустем Ринатович, д-р экон. наук, член-корр. Академии наук Республики Башкортостан, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией современных проблем региональной экономики Центра стратегических и междисциплинарных исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ЦСМИ УФИЦ РАН). E-mail: priemnaya.akhunov@mail.ru

Низамутдинов Ришат Илшатович, и.о. младшего научного сотрудника ЦСМИ УФИЦ РАН. E-mail: xr13@mail.ru

Янгиров Азат Вазирович, д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник ЦСМИ УФИЦ РАН. E-mail: yangirovav@isirb.ru

Целью статьи является оценка структурных сдвигов занятости в регионах России в 2013–2018 годах. В качестве метода используется Shift-Share анализ. В статье установлено, что в большинстве регионов страны имевшийся прирост ВРП не сопровождался ростом занятости. Особенно явно это прослеживается на примере добычи полезных ископаемых, где перманентный рост производства на протяжении последних пяти лет не приводил к положительным изменениям в занятости. Утверждается, что для роста занятости в региональной экономике необходимо её диверсифицировать, поскольку развитие добывающих отраслей не влечёт желаемого роста занятости.

Ключевые слова: shift-share анализ, структурные сдвиги, занятость, региональная экономика.

The aim of the article is to estimate the structural shifts of employment in the regions of Russia. Shift-Share analysis was used as the method. The article finds that the existing GRP growth was not accompanied by an increase in employment in most regions of the country. This is especially evident in the case of mining, where the permanent growth of production over the past five years has not led to positive changes in employment. It is concluded that in order to increase employment in the regional economy, it is necessary to diversify it, since the development of the mining industry is not able to help achieve employment goals.

Key words: shift-share analysis, structural shifts, employment, regional economy.

В литературе по региональной проблематике смещается акцент с роста валового регионального продукта, как целевого показателя развития региональной экономики, на рост занятости [1; 5; 6].

Данный интерес исследователей можно объяснить тем, что занятость сопряжена с целым рядом синергетических последствий, являющихся актуальными в российских регионах. Отсутствие мест приложения труда с его достойной оплатой внутри региона становится причиной отказа от расширения семьи, приводит к отрицательной трудовой миграции, вынуждает прибегать к теневой занятости. Отсутствие работы на селе усугубляет его деградацию и отток населения в города. Низкие доходы населения сказываются на величине налоговых сборов в бюджет региона, а также ведут к ограничению потребления, что не способствует развитию бизнеса. Очевидно, что цепочку экономических взаимозависимостей можно продолжать.

Для более глубокого понимания региональных проблем занятости необходима оценка структуры занятости и происходящих в ней сдвигов, что и послужило целью статьи. Для анализа был выбран временной интервал с 2013 по 2018 год. Особое внимание уделено регионам с преимущественным развитием добывающей промышленности, как сохраняющей определяющее влияние на развитие национальной экономики, в то время как в мировой экономике происходит пересмотр позиций к развитию добывающих отраслей, в особенности, нефтегазового сектора.

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР УФИЦ РАН по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ.

В качестве метода исследования выбран Shift-Share Analysis, который был разработан в 1943 году Даниэлем Крамером [4]. Метод позволяет оценить структурные изменения занятости и валового регионального продукта, а также выявить, насколько имеющаяся динамика обусловлена внутренними конкурентными преимуществами и их реализацией, вычленив инерцию от общестрановых и отраслевых изменений.

Для расчёта показателей используются следующие формулы [0]:

$$NS_{ir}^t = Q_{ir}^{t-1} * \left(\frac{Q_n^t}{Q_n^{t-1}} - 1 \right), \quad (1)$$

$$IM_{ir}^t = Q_{ir}^{t-1} * \left(\frac{Q_{in}^t}{Q_{in}^{t-1}} - \frac{Q_n^t}{Q_n^{t-1}} \right), \quad (2)$$

$$RS_{ir}^t = Q_{ir}^{t-1} * \left(\frac{Q_{ir}^t}{Q_{ir}^{t-1}} - \frac{Q_{in}^t}{Q_{in}^{t-1}} \right), \quad (3)$$

где NS_{ir}^t – сдвиг по занятости/ВРП по страновому фактору;

IM_{ir}^t – сдвиг по занятости/ВРП по отраслевому фактору;

RS_{ir}^t – сдвиг по занятости/ВРП по региональному фактору;

Q_n^{t-1} , Q_n^t – занятость/ВРП в базовом и текущем периодах по стране n в целом;

Q_{in}^{t-1} , Q_{in}^t – занятость/ВРП в базовом и текущем периодах по i-ой отрасли в целом по стране n;

Q_{ir}^{t-1} , Q_{ir}^t – занятость/ВРП в базовом и текущем периодах по i-ой отрасли в регионе r.

Анализ проведён на основании данных Росстата за 2013–2018 годы по индексам физического объёма валового регионального продукта и валовой добавленной стоимости по отраслям экономики (в постоянных ценах; в процентах к предыдущему году), а также по темпам роста среднегодовой численности занятых. На их основе были рассчитаны сдвиги по занятости и ВРП по страновому, отраслевому и региональному фактору.

Полученные авторами выводы по результатам анализа сдвигов методом Shift-Share можно сформулировать следующим образом:

1) 38 субъектов РФ имеют положительный сдвиг ВРП по региональному фактору, что демонстрирует их более высокие темпы прироста ВРП по сравнению со средним приростом в стране. В то же время положительный сдвиг по занятости по региональному фактору произошёл лишь в 15 субъектах РФ, чьи темпы прироста занятости были выше среднероссийских. Таким образом, ускоренный рост производства в большинстве случаев не обеспечивает роста занятости, при этом прирост занятости происходит более концентрированно – в меньшем числе регионов, нежели прирост производства. К регионам с опережающей динамикой роста занятости следует отнести города федерального значения с их агломерациями, дотационные регионы Северо-Кавказского федерального округа и некоторые добывающие регионы.

2) Из традиционно добывающих регионов положительный сдвиг по занятости обеспечили лишь Татарстан и Тюменская область. Причём прирост был обеспечен не добычей, а ростом в перерабатывающих производствах. Остальные добывающие регионы не смогли обеспечить положительный сдвиг по занятости, что позволяет утверждать, что сектор добычи не исполняет роль драйвера в области занятости. Пример Татарстана и Тюменской области демонстрирует, что данных целей можно было достичь, обрабатывая добываемое сырьё, а также развивая торговлю и транспорт.

Ещё один пример. Открытие новых месторождений нефти на территории Астраханской области вызвало всплеск в развитии отрасли в регионе, поспособствовав приросту занятости. Однако появление новых рентабельных проектов в области нефтегазодобычи становится редкостью. В этой связи интерес вызывают планы Башкортостана по созданию сети малых нефтяных компаний. Такие компании не только будут способствовать более эффективному недропользованию

ванию, но и позволят создать новые рабочие места в регионах с истощающейся сырьевой базой, реализуя новые проекты на старых месторождениях.

Удельный вес добычи полезных ископаемых в агрегированном показателе ВРП всех регионов России увеличился с 2013 по 2018 годы с 10,8 % до 14,8 %. Доля добычи полезных ископаемых в ВРП нефтяных регионов (например, Тюменской и Сахалинской областей, Республики Татарстан) также возросла. Исключением стала Республика Башкортостан, в которой прирост доли происходил до 2016 года, затем откатился к уровню 2013 года.

Доля населения, занятого в добыче полезных ископаемых, на порядок меньше, чем доля продукции этого сектора в ВРП, и за период 2013–2018 годов она осталась неизменной – 1,6 %.

Таким образом, за анализируемый период доля добычи полезных ископаемых в ВРП регионов значительно возросла, в то время как доля занятых в добывающей промышленности в общей занятости не изменилась (в ряде регионов даже снизилась). При этом верно и обратное – при снижении доли продуктов добычи в ВРП сокращение доли работников добывающих отраслей в занятости незначительно.

Корреляция между региональным сдвигом по ВРП и занятости в добывающих отраслях незначительна ($R^2=0,12$).

Таблица 1

Шкала оценки меры существенности структурных различий по индексу Рябцева [3, 169]

Значение индекса Рябцева	Уровень различия структур
0-0,03	Тождественность структур
0,031-0,07	Весьма низкий уровень различия структур
0,071-0,15	Низкий уровень различия структур
0,151-0,3	Существенный уровень различия структур
0,301-0,5	Значительный уровень различия структур
0,501-0,7	Весьма значительный уровень различий структур
0,701-0,9	Противоположный тип структур
от 0,901	Полная противоположность структур

Таблица 2

Субъекты Российской Федерации с существенным уровнем различия структур

Субъект РФ	Значение индекса Рябцева
Сахалинская область	0,152
Новосибирская область	0,154
Нижегородская область	0,156
Томская область	0,157
Краснодарский край	0,160
Республика Бурятия	0,162
Московская область	0,163
Пензенская область	0,164
Республика Башкортостан	0,178
Карачаево-Черкесская Республика	0,183
г. Санкт-Петербург	0,216
Республика Ингушетия	0,245
г. Москва	0,279

Примечание: рассчитано авторами на основе данных Росстата о распределении среднегодовой численности занятых в экономике по видам экономической деятельности (в процентах от общей численности занятых)

3) Занятость за анализируемый период в региональной экономике в основе своей обеспечивалась торговлей и обрабатывающей промышленностью, несмотря на снижение их доли в общей занятости, а также другими видами деятельности и услуг. В целом же значительного перетока трудовых ресурсов из одних видов деятельности в другие не происходит – большинство регионов имеют стабильную структуру занятости. Об этом свидетельствует и индекс Рябцева, который позволяет оценивать значимость структурных изменений, вызванных динамикой удельных весов различных видов деятельности в составе общей занятости. По данному показателю выявлено лишь 13 субъектов РФ из 80 с существенным уровнем различия структур (см. табл. 2), остальные 67 имеют низкий уровень структурных различий (индекс Рябцева 0,071–0,15).

Изменения в структуре произошли благодаря росту занятости в секторе торговли и в других видах деятельности, за исключением Карачаево-Черкесской Республики, в которой структурные изменения в большей мере явились следствием положительной динамики занятости в сельском хозяйстве. В 5 регионах из 13 структурные изменения сопровождались также положительными региональными сдвигами по занятости (в таблице выделены полужирным).

4) По доле регионов в абсолютном приросте по стране было установлено, что наибольший вклад в увеличение занятости в стране внесли Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Краснодарский край и Тюменская область за счёт роста числа занятых в других видах деятельности. В разрезе федеральных округов значительный вклад внесли Центральный (во многом благодаря Москве) и Южный, основой вклада которого послужило приращение занятости в других видах деятельности и в меньшей степени в торговле. Ещё одним лидером является Северо-Кавказский федеральный округ, где наибольшая активность зафиксирована в секторах торговли и строительства. Наибольшее снижение – в Сибирском ФО. Массовое снижение занятости также произошло и в Приволжском федеральном округе, где положительный прирост занятости отмечен лишь в Самарской области и Республике Татарстан. Федеральный округ попал в число аутсайдеров из-за чувствительного снижения занятости в сельском хозяйстве и в операциях с недвижимым имуществом. Одно из самых заметных снижений – сокращение занятости в сельском хозяйстве Республики Башкортостан (на фоне одного из лучших показателей по сдвигу сельского хозяйства в ВРП). Наряду с Краснодарским краем это худший результат по России. Также Республика Башкортостан продемонстрировала наибольшее снижение занятости по стране в сфере образования.

Литература

1. Ахунув Р.Р., Мухаметова А.Д., Янгиров А.В. Трудовые ресурсы региона: демографические вызовы, межрегиональная конкуренция и оценка кадрового потенциала // *Финансы Башкортостана*. 2015. № 4. С. 28–33.
2. Карлина Т.В. Идентификация ядер региональных экономических кластеров на основе анализа структурных сдвигов в условиях циклично развивающейся экономики // *Вестник Пермского Университета*. 2011. № 4 (11). С. 18–29.
3. Серова Н.А. Опыт статистического измерения трансформаций в отраслевой структуре инвестиций регионов арктической зоны России // *Фундаментальные исследования*. 2020. № 11. С. 167–172.
4. Alavi J., Yasin M. M. (2000). A Systematic Approach to Tourism Policy. *Journal of Business Research*, 48 (2). Pp. 147–156. DOI: 10.1016/S0148-2963(98)00096-4
5. Rastvortseva S. N. Assessment of the labor factors impact on the economic growth of the region: evidence from Russia // 4th International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences & Arts SGEM. Sofia, 2017. Pp. 762–770. DOI: 10.5593/sgemsocial2017/13/S04.095/
6. World Bank. 2012. *World Development Report 2013: Jobs*. Washington, DC. World Bank. [Электронный ресурс]. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/11843/>

Роль государства в формировании монопольной власти в экономике

Role of the State in the Formation of Monopoly Power in the Economy
(DOI: 10.34773/EU.2021.2.5)

Д. ЕНИКЕЕВА

Еникеева Динара Дамировна, старший преподаватель кафедры общей экономической теории Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: rabotabgu@yandex.ru

В статье рассмотрены модели государства с точки зрения формирования в них монополий и реализации монопольного потенциала. Рассмотрены государственные источники монопольной власти и современные институты государства, реализующие монопольную власть в российской экономике. Отмечается усиление роли государства в формировании монопольной власти в экономике России, особенно в части реализации монопольного потенциала государственных монополий, поддержания рентоориентированного поведения субъектов хозяйствования.

Ключевые слова: государство, монопольная власть, ренториентированное поведение, государственная монополия, эксплуататорская модель, контрактная модель.

The article considers the models of the state from the point of view of the formation of monopolies in them and the realization of the monopoly potential. State sources of monopoly power and modern state institutions that implement monopoly power in the Russian economy are considered. It is noted that the role of the state in the formation of monopoly power in the Russian economy is increasing, especially in terms of implementing the monopoly potential of state monopolies, maintaining the rent-oriented behavior of business entities.

Keywords: state, monopoly power, rent-oriented behavior, state monopoly, exploitative model, contract model.

Роли государства в формировании монополии рассмотрим с точки зрения ее реализации в двух моделях – контрактной и эксплуататорской. Согласно эксплуататорской модели, государство – аппарат насилия в руках господствующего класса. Государство необходимо для удержания правящего класса у власти и направлено на получение максимальной величины дохода для его содержания, что осуществляется путем насильственного передела прав собственности в пользу правящего же класса, даже если будет наблюдаться сокращение благосостояния общества в целом.

В основе формирования контрактной модели государства заложен договорной принцип, в рамках которого отдельный гражданин передает государству часть функций по спецификации и защите его прав, а государство использует монополию на насилие в пределах делегированных ему полномочий.

Монополия имманентна любой модели государства, но проявления ее монопольной власти будут различаться (рис.1). Эксплуататорская модель поддерживается экстрактивными институтами. Экстрактивные институты позволяют перераспределять ресурсы определенных слоев населения в пользу элит. Согласно выводам Аджемоглу и Робинсона [1], исторически обусловлено, что большинство государств базировались на экстрактивных институтах. В рамках контрактной теории происхождения государства, наличие монополии и сила ее монопольной власти определяется в рамках заключения контракта. Контрактная модель, помимо экстрактивных институтов, предполагает и наличие институтов инклюзивных, активное развитие которых неизбежно приведет к снижению власти элит. Поэтому в контрактной модели происходит сдерживание развития инклюзивных институтов.

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 19-410-020021\19 «Модернизация институционально-культурных характеристик общественной системы как один из приоритетов современного экономического развития».

При контрактной модели наличие инклюзивных институтов позволяет снизить (не допустить) монопольную власть, уменьшить высоту входных барьеров, тем самым обеспечивая сохранение только естественных монополий: «с тем, чтобы быть инклюзивными, экономические институты должны гарантировать безопасность частной собственности, непредвзятую систему права и предоставление общественных услуг, которые создают равное игровое поле, где люди могут обмениваться и заключать контракты; они также должны разрешать вход новых бизнесов и позволять людям выбирать их карьеры» [1].

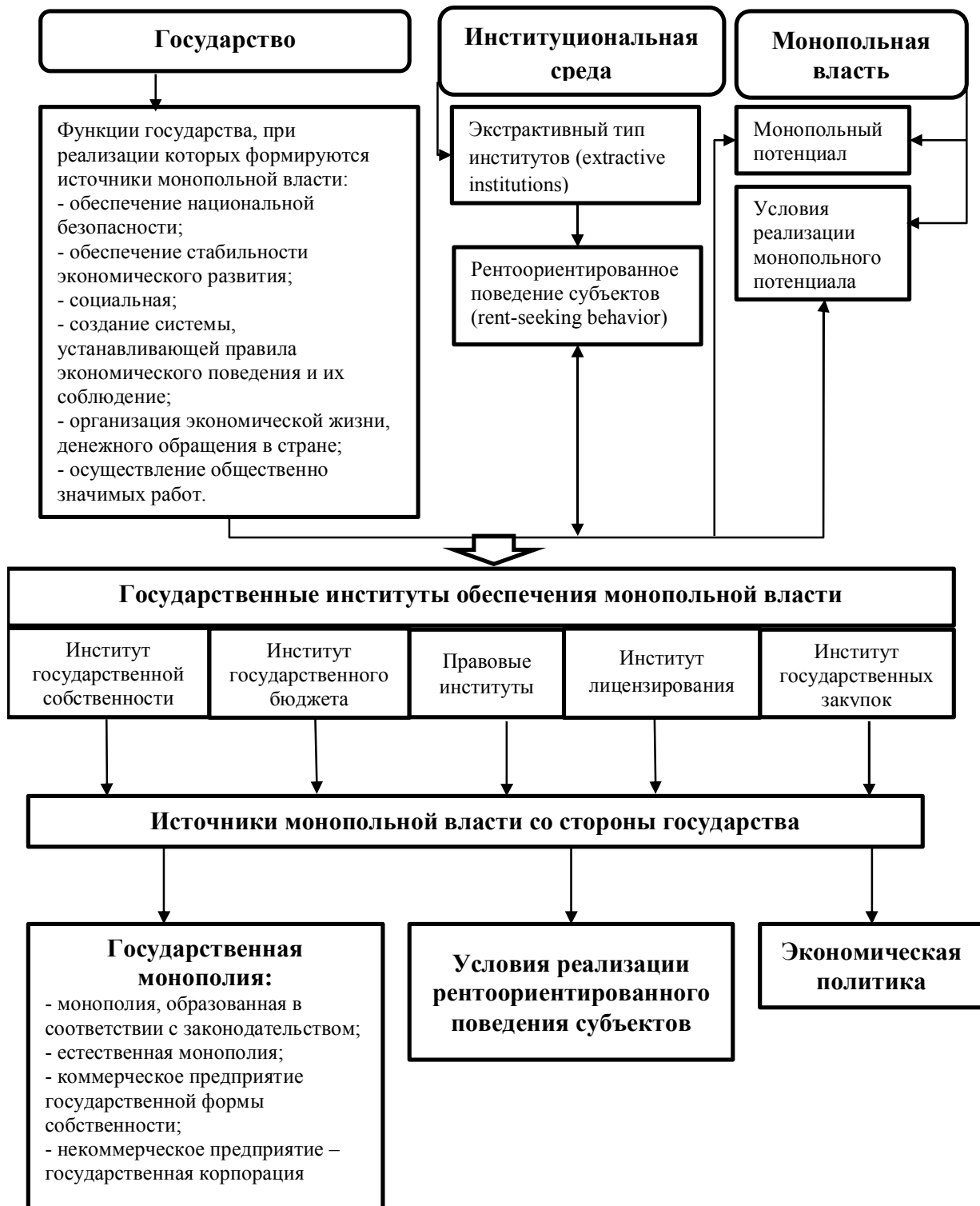

Рис. 1. Модель роли государства в формировании монопольной власти в экономике (Источник: составлено автором)

Экономические институты экстрактивного типа определяются тем, что «они созданы для изъятий доходов и богатства у одной части общества ради выгоды другой его части» [1].

Экстрактивные институты и рентоориентированное поведение хозяйствующих субъектов формируют монопольный потенциал и обеспечивают ее реализацию. По мнению А. А. Аузана [2], в российской экономике преобладают экстрактивные институты, направленные на извлечение ренты. Отсюда мы видим рентоориентированное поведение как объективный процесс, поскольку институты нацелены именно на такой тип поведения.

Государство в современных условиях является основным субъектом рентного типа получения дохода, что обусловлено особенностью функциональной роли и положения, способствующих реализации своей монопольной власти в рентном поведении, а также формированию условий для извлечения рентного дохода другими субъектами хозяйствования, например, посредством госзаказа. Данное обстоятельство значительно увеличивает число субъектов-получателей рентных доходов. [5, 15].

Недостаточная развитость институтов в современной экономике России и необходимость заполнения образовавшегося в связи с этим институционального вакуума обусловили появление «правил игры», которые определяются крупнейшими хозяйствующими субъектами. Наличие у них монопольной власти позволяет реализовывать ренту в различных типах и формах.

Согласно традиционной микроэкономической теории, государство выступает в качестве субъекта, нейтрализующего негативные монопольные эффекты в первую очередь посредством реализации антимонопольной политики. Государство выступает в роли хозяйствующего субъекта, осуществляющего предпринимательскую функцию, в том числе и для производства общественных благ. Кроме того, государство является источником и средством создания в экономике монополий (как государственных, так и негосударственных), при этом поддерживает их до настоящего времени.

Резюмируя, отметим, что «монополия как структура рынка оказывается следствием изменения институциональной среды в результате действия группы специальных интересов. В какой мере государство используется для создания закрытой монополии, зависит от ожидаемой прибыльности инвестиций, осуществляемых группами специальных интересов в политические рынки, добиваясь принятия выгодных им законов» [6].

Разные институты государства имеют отношение к формированию, поддержанию монопольной власти: институт собственности, институт государственного бюджета, правовые институты, институты лицензирования, институт государственных закупок и другие институты. Существуют негосударственные монополии, которые поддерживаются другими государственными институтами, помимо института государственной собственности.

Роль государства в развитии монополий и монопольной власти можно рассматривать с различных точек зрения, поскольку государство – особый субъект хозяйствования. Особенность в данном контексте проявляется в том, что государство, с одной стороны, является субъектом хозяйствования, с другой – формирует условия, институциональную среду, в которой реализуется экономическая (хозяйственная) деятельность субъектов. Рассматривая в контексте нашего исследования государство как субъект хозяйствования, мы говорим об определенном виде монополии – государственной монополии. Обращаясь к условиям, которые формирует и регулирует государство, отметим, что здесь роль государства сводится к анализу факторов формирования и развития монопольной власти негосударственных монополий, а также института, реализующего экономическую политику. Следовательно, роль государства в развитии монополизма и монопольной власти необходимо рассмотреть в трех проекциях: государственная монополия, государство как источник формирования условий реализации рентоориентированного поведения субъектов, и государство как институт регулирования негативных монопольных эффектов (антимонопольная и конкурентная политика). Следует отметить, что данные аспекты неразрывны между собой, в некоторых случаях рассматриваемые проявления монополии могут относиться к нескольким проекциям, а возможно, и дополнять друг друга. Данное свойство является традиционным для исследования экономической категории.

Рассматривая государство как субъект хозяйственной деятельности, как представителя корпоративной среды, мы ведем речь как об организациях государственной формы собственности, которые осуществляют хозяйственную деятельность, так и об акционерной форме собственности, где значительная доля принадлежит государству – государственных монополиях, ГУПах, МУПах, естественных монополиях, государственных корпорациях. В настоящее время, несмотря на декларируемое снижение роли государства в данном контексте, мы наблюдаем ее усиление.

В РФ среднегодовой темп сокращения общего числа предприятий (рис. 1) равен среднегодовому темпу сокращения организаций частной формы собственности (-2,4 %). Изменения числа предприятий государственной и муниципальной формы собственности характеризуются более высокими показателями – сокращения на 2,2 % и 3,2 % соответственно.

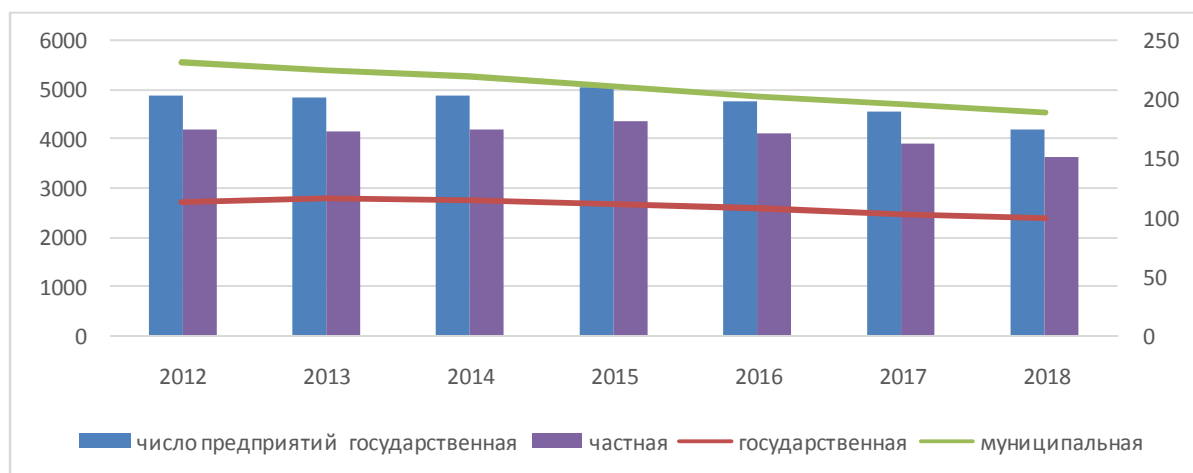

Рис. 1. Динамика изменения числа предприятий различных форм собственности в РФ в 2012–2018 гг. Государственная и муниципальная форма собственности – правая шкала, общее число предприятий и число предприятий частной формы собственности – левая шкала (Источник: данные Росстата)

Рассматривая динамику доли организаций различной формы собственности (рис.2) за 2012–2018 годы в РФ, заметим, что среднегодовое изменение государственной и частной формы собственности не отмечается при среднегодовом сокращении доли муниципальной формы собственности на 0,7%. В период 2017–2018 гг. наблюдается увеличение доли государственной формы собственности на 0,1 пп. при сокращении доли частной формы на 0,4 пп. Это свидетельствует о том, что сокращение общего числа предприятий происходит за счет сокращения в большей степени предприятий частной формы собственности.

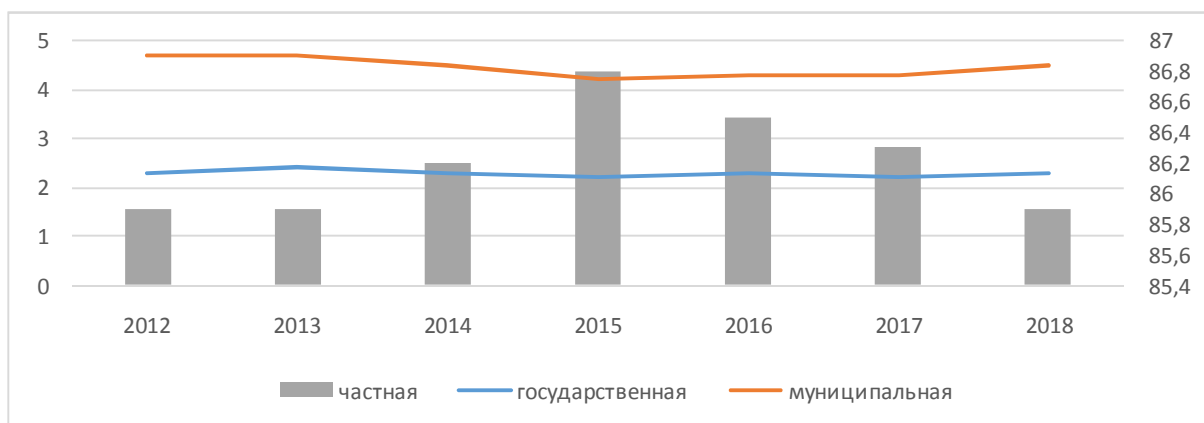

Рис. 2. Динамика изменения доли числа предприятий различных форм собственности в РФ в 2012–2018 гг. (Источник: данные Росстата)

В нашей экономической системе, даже если монополии не являются формально государственными (например, контрольный пакет акций не принадлежит государству), они все равно существуют под эгидой государства: не ограничивая их, государство тем самым их поддерживает. Недостаточно контролируя монополии, государство тем самым создает для них благоприятные условия.

Государственные корпорации являются еще одной формой государственного участия в экономике. Они имеют несколько вариантов проявлений.

Первый – это субъекты экономики, элементы структуры рынка. Здесь налицо искажение рыночного механизма, когда одним субъектам хозяйствования даруются определенные привилегии. Государство наделяет их определенной рыночной властью, что ставит госкорпорации в неравное положение с другими участниками. С другой стороны, госкорпорации выполняют функции институтов развития, являясь проводником государственной макроэкономической политики, направленной на инновационное и инфраструктурное развитие страны с применением системы ГЧП. Получается парадоксальная ситуация – с одной стороны, госкорпорации сами создают неравенство и «провалы» рынка, с другой – их деятельность направлена на борьбу с этими «провалами».

Ко второму варианту монопольной власти государства мы относим деятельность, направленную на формирование условий для реализации рентаориентированного поведения субъектов, выражающегося в обеспечении доступа к ограниченным ресурсам.

В современной экономике распределение ограниченных ресурсов осуществляется через «административное регулирование, конкурсное распределение, аукцион и распространение режима частной собственности на некоторые виды ограниченных ресурсов» [3, 5]. Согласно выводам авторов, по мере совершенствования институциональной среды и развития конкуренции прямые методы доступа к ограниченным ресурсам (административное регулирование) замещаются либо на абсолютно рыночные (аукцион), либо на косвенные (конкурс).

Третий вариант формирования монопольной власти со стороны государства связан с выполнением государством функций регулятора, реализацией государственной политики.

Государство, проводя политику активизации инвестиционной деятельности, «дарует» особые привилегии отдельным хозяйствующим субъектам – в частности, для реализации приоритетных инвестиционных проектов. Чтобы проект был включен в перечень приоритетных, его инициатору необходимо преодолеть высокие барьеры, связанные со значительным объемом инвестиций, созданием большого количества рабочих мест. Добавим сюда и необходимость преодоления административных барьеров, связанных со сложностью оформления документов. Это под силу хозяйствующим субъектам достаточно сильным, крупным, со значительным финансовым потенциалом, иногда имеющим некоторую степень монопольной власти для лоббирования своих интересов. В связи с этим, на наш взгляд, институт приоритетных инвестиционных проектов имеет в себе некоторые возможности для формирования монопольных эффектов со стороны государства. Приоритетные проекты создают положительный социально-экономический эффект в регионе, способствуют повышению его инвестиционной привлекательности, однако поддержка государством отдельных субъектов хозяйствования, создание неравных условий ослабляют конкурентную среду, наделяют субъектов, и без того имеющих большие возможности, дополнительными привилегиями, что создает благоприятные условия для проявления их монопольного потенциала.

Таким образом, мы показали, что роль государства в экономике высока, а это приводит к неэффективности системы и усугубляет имеющиеся проблемы. Однозначно делается вывод о необходимости снижения роли государства в экономике, иначе дальнейшего развития конкуренции и конкурентной среды не произойдет.

Литература

1. Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: Издательство АСТ, 2015. 704 с.
2. Аузан А. Демонстрация институтов развития // Стимул: журнал об инновациях в России. 20 декабря 2017 года [Электронный ресурс]. URL: <https://stimul.online/viewpoint/demoversiya-institutov-razvitiya/>
3. Государственное регулирование доступа к ограниченным ресурсам: Препринт WP8/2010/02 [Текст] / О.С. Минченко, С.М. Плаксин; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 72 с.
4. Еникеева Д. Особенности реализации монополии в современной экономике // «Инновационное развитие экономики: российский и зарубежный опыт»: сборник материалов I Междунар. науч.-практич. конф. Уфа: «Аэтерна», 2015. С. 43–47.
5. Кудряшева Р.П. Рента в системе воспроизводственных отношений: дис. ...канд. экон. наук. Самара, 2003.
6. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002. 591 с.

Факторы формирования потребительского спроса в условиях экономики информационного общества

Factors of Consumer Demand Formation in the Conditions of the Information Society Economy (DOI: 10.34773/EU.2021.2.6)

Е. ЯНГИРОВА, Е. САФИУЛЛИНА

Янгирова Елена Ирековна, д-р экон. наук, заведующий кафедрой управления проектами и маркетинга Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: beglovaelena75@mail.ru

Сафиуллина Евгения Александровна, старший преподаватель кафедры управления проектами и маркетинга ИНЭФБ БашГУ. E-mail: easafiullina@mail.ru

Авторами статьи определены факторы, влияющие на потребительский спрос в условиях становления экономики информационного общества. Предложен и проанализирован ряд показателей, отражающих действие системообразующих факторов формирования и развития современного потребительского спроса в РФ. Установлено трансформирующее действие информационно-коммуникационных технологий на предпочтения и поведение домохозяйств, что изменяет структуру и динамику спроса на потребительском рынке.

Ключевые слова: потребительский спрос, факторы, экономика информационного общества, потребительское поведение.

The authors of the article identified the factors influencing consumer demand in the conditions of the formation of the information society economy. A number of indicators reflecting the action of the system-forming factors in the formation and development of modern consumer demand in the Russian Federation are proposed and analyzed. The transforming effect of information and communication technologies on the preferences and behavior of households has been established, which changes the structure and dynamics of demand in the consumer market.

Key words: consumer demand, factors, economics of the information society, consumer behavior.

Введение

В настоящее время происходит трансформация социально-экономических отношений, обусловленная активным внедрением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) во все сферы жизнедеятельности общества. Соответственно, становление нового типа экономики предопределяет качественно новое потребительское поведение, которое влечет за собой изменение структуры спроса и покупательской способности населения при ограниченных материальных возможностях. При этом, с одной стороны, ИКТ значительно смещают потребительские акценты, превращая конкретные товары или услуги в символические компоненты целостного жизненного стиля, а с другой – создают возможности для межпрофессионального общения и обычного общения, разрушая национальные, социальные, культурные и возрастные границы. Поэтому выявление взаимозависимости между рыночным спросом и факторами, влияющими на него, является важной исследовательской задачей.

Теоретические основы исследования закономерностей формирования спроса, факторов, влияющих на потребительское поведение и спрос, заложены в трудах П. Дракера, Ж.Ф. Кроллара, Ф. Котлера, Ж.Ж. Ламбена, Т. Амблера, П. Дойля. Качественные структурные изменения потребления освещены в трудах Н.В. Петроченковой, Г.В. Горланова, Ф.М. Волкова, Н.Д. Ильенковой, П.В. Савченко. Вопросы и проблемы современной стратегии развития потребительского спроса и увеличения уровня благосостояния в условиях трансформации экономики представлены в работах О.Т. Богомолова, Л.И. Абалкина, С.Ю. Глазьева, Д.С. Львова, В.Г. Гребенникова Р.М. Нуреева, Е.Г. Ясина.

Как правило, большинство существующих исследований в аналитическом материале акцентируют внимание на положения традиционной теории потребления, тем самым представляя видение того, что покупатель самостоятельно принимает решение о покупке необходимого товара, то есть регулирует процесс потребления. Однако информативность данных исследований не позволяет в полной мере сформировать специфику потребительского поведения и спроса в экономике информационного общества (ЭИО).

В результате этого целью исследования является выявление факторов структурной трансформации потребительского спроса, ограничивающих (стимулирующих) возможности покупателей в условиях экономики нового информационного общества.

Методы

В работе авторами статьи на основе статистического, аналитического и сравнительного методов предложен ряд показателей для выявления системообразующих факторов формирования и развития современного потребительского спроса в Российской Федерации.

С целью общей характеристики факторов, влияющих на потребительский спрос в экономике информационного общества, прежде всего, использованы абсолютные и относительные показатели. В числе основных абсолютных показателей применены следующие: среднедушевые денежные доходы, начисленная номинальная среднемесячная заработная плата одного работника, среднедушевой прожиточный минимум, потребление населения, ВВП, импорт и экспорт потребительских товаров. Среди анализируемых относительных показателей использованы: уровень безработицы, показатели социального расслоения и уровня бедности, соотношение доходов и расходов, индекс потребительских цен, индекс человеческого развития.

Данные для выявления векторов трансформации потребительского спроса получены из официальных статистических материалов Федеральной службы государственной статистики за 2000–2019 гг. по уровню жизни населения в Российской Федерации.

Основные результаты и их обсуждение

Спрос зависит от огромного количества ценовых и неценовых факторов, таких как цена блага, цены на товары-заменители и дополняющие товары, предпочтения, доходы потребителей, величина налогов и наличие дотаций, модные тенденции, реклама, качество товаров и др.

В то же время в последние десятилетия на процесс купли-продажи товаров и услуг потребительского назначения значительно влияют информационные технологии, которые снижают транзакционные издержки, трансформируют потребление как в качественном, так и во временном аспектах. Следовательно, в современных детерминантах потребительского спроса отражается специфика развития информационно-коммуникационных и цифровых технологий и их внедрение в экономическую среду (рис.1).

Рис.1. Факторы, влияющие на потребительский спрос в ЭИО

Заметим, что в ЭИО современный покупатель, используя информационные, коммуникационные и цифровые технологии, стремится выбрать наиболее оптимальный вариант удовлетворения своих потребностей, соответствующий его желаниям и предпочтениям, изучая большое количество предложенных вариантов. При этом информационные технологии выступают посредником между покупателями и продавцами, гарантируют обратную связь (сайты отзывов Яндекс.Маркет, IRecommend, социальные сети), укрепляют доверие и повышают лояльность к торговой марке товара или услуги. Вместе с тем, усиливается и фактор конкуренции, так как потребители выбирают удобство и мобильность покупок. Конкурентная борьба за потребителя перемещается в популярные мобильные приложения, сервисы, сайты, позволяя практически сразу получать обратную связь, отзывы, рекомендации. Поэтому факторы, влияющие на формирование и развитие современного потребительского спроса РФ в условиях становления экономики информационного общества, могут изменять свой характер воздействия – с прямого на косвенный, и наоборот. Рассмотрим наиболее значимые из них.

Во-первых, потребности населения выступают предпосылкой производственной деятельности. Структура потребностей подлежит постоянной трансформации под влиянием социально-экономической ситуации, традиций, демографических факторов и любых изменений условий и стандарта жизни в РФ. Заметим, что потребности человека безграничны, в то же время возможности их удовлетворения ограничены в первую очередь его платежеспособностью. Поэтому анализ потребительского спроса в РФ предполагает изучение потребительских предпочтений домохозяйств [2].

В настоящее время в РФ рынок характеризуется значительным разрывом в темпах роста потребностей и платежеспособного спроса населения: имеет место интенсивный рост потребностей общества и относительное сокращение потребительского спроса. В противовес практике развитых стран, спрос в РФ выступает не только и не столько функцией цены, а в большей степени функцией низкого уровня жизни населения. Это объясняется тем, что, несмотря на положительную динамику отдельных показателей в экономике РФ, ежегодный рост цен сопровождался в анализируемом периоде (2000-2019 гг.) ростом номинальных денежных доходов населения, несущественным ростом в отдельные годы реальных располагаемых денежных доходов, высоким уровнем бедности в стране (табл. 1).

Таблица 1

Общие характеристики доходов и уровня жизни населения РФ в 2000–2019 гг.

Доходы населения	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019
Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.	2281	8088	18958	30254	30865	31897	33178	35249
Реальные располагаемые денежные доходы в % к пред. году	112,0	112,4	105,9	97,6	95,5	99,5	100,1	101,0
Реальная начисленная среднемесячная заработная плата одного работника, в % к пред. году	121	113	105	91	101	103	109	103
Среднедушевой прожиточный минимум, руб.	1210	3018	5688	9701	9828	10088	10287	10890
Соотношение среднедушевого денежного дохода и прожиточного минимума, %	189	268	333	312	314	316	323	324
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в % от общей численности	29,0	17,8	12,5	13,4	13,2	12,9	12,6	12,3
ИПЦ на товары и услуги, %	120,2	110,9	108,8	112,9	105,4	102,5	104,3	103,0
Реальный размер пенсий, в % к предыдущему году	128	110	135	96	97	100	101	102
Уровень безработицы, %	5,2	10,6	7,1	7,3	5,6	5,5	5,2	4,8
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)	65,3	65,4	68,9	71,4	71,9	72,7	72,9	73,3
Коэффициент фондов, раз	13,9	15,2	16,6	15,5	15,5	15,4	15,6	15,4
Превышение доходов населения над расходами, %	20,90	29,72	37,6	22,31	20	16,67	13,82	12,83
Условно свободная часть среднедуш. денежного дохода, руб.	825	4073	10616,1	16784,6	17085,1	17287,4	18048,1	19197,7

Как показывают данные таблицы 1, с 2015 г. наблюдается снижение реальных располагаемых денежных доходов населения, которое не компенсируется даже ежегодным приростом реальной начисленной среднемесячной заработной платы (за исключением 2015 г.). Незначительный рост реальных доходов в 2018–2019 гг. (менее 1 %) способствовал приостановке падения потребительского спроса и сохранению величины оборота розничной торговли практически на уровне прошлых лет (101,9 % в 2019 г., 102,8 % в 2018 г.).

Среди причин сохранения низкого уровня реальных денежных доходов населения следует отметить отставание темпа роста реального размера пенсий и социальных пособий от темпа роста цен. Растет задолженность населения по кредитам (рис.2).

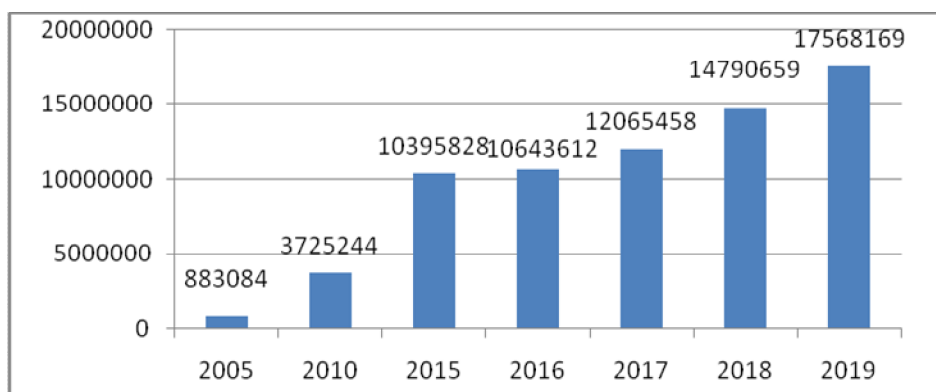

Рис.2. Кредиты, предоставленные физическим лицам в рублях, млн руб., на конец года

Следовательно, можно сделать вывод, что падение среднедушевых реальных располагаемых денежных доходов снижает покупательную способность населения и способствует росту дефицита дохода граждан.

Во-вторых, фактором, влияющим на развитие потребительского спроса и степень удовлетворения потребностей населения, является уровень жизни различных доходно-имущественных и социально-демографических категорий домохозяйств.

Уровень жизни населения характеризуют следующие показатели:

1) обобщающие показатели: ВВП, соотношение индекса денежных доходов и индекса потребительских цен, индекс денежных доходов населения, уровень бедности, уровень безработицы, уровень образования, ожидаемая продолжительность жизни, младенческая смертность;

2) доходы населения: баланс денежных доходов и расходов населения, реальные располагаемые доходы, оплата труда, пенсии, пособия, покупательная способность населения;

3) расходы и потребление: общий объем потребления материальных благ и услуг, денежные расходы, потребление продовольственных и непродовольственных товаров и услуг, калорийность питания, налоги и сбережения;

4) имущество и жилище: накопленное имущество, жилищные условия, благоустройство жилищ;

5) расслоение общества: распределение населения по размеру среднедушевого дохода; коэффициент дифференциации доходов, индекс Джини; прожиточный минимум, минимальный и рациональный потребительский бюджет; численность и доля населения, имеющего среднедушевые доходы ниже стоимости минимального потребительского бюджета и прожиточного минимума; минимальный размер заработной платы, пенсий;

6) условия жизнедеятельности населения: обеспеченность населения объектами социально-культурного назначения, показатели развития социальной инфраструктуры, заболеваемость населения, состояние окружающей среды, число преступлений.

Отдельные показатели из данного перечня, представленные в таблицах 1 и 2, свидетельствуют, что в 2000-2019 гг., несмотря на улучшение демографической ситуации, снижение уровня безработицы и рост стоимости рабочей силы, в РФ сохраняется невысокий уровень жизни населения, существенная доля бедного населения, социальная дифференциация и высокая поляризация доходов граждан. Обозначенные негативные тенденции отрицательно отражаются на количественных и качественных характеристиках потребительского спроса, понижают его социальные и стимулирующие функции в системе факторов экономического роста.

В-третьих, на развитие потребительского спроса влияет **рост производства товаров потребительского назначения**, темпы изменения которого определяют динамику уровня безработицы в РФ, величину доходов, формируют товарное предложение и характер спроса.

РФ обладает мощным экономическим потенциалом. Экономика РФ занимает 6-е место среди стран мира и 2-е среди стран Европы по объёму ВВП по паритету покупательной способности, который за 2019 г. оценивается в 4,390 трлн. долларов. Как показывают данные табл. 2, индексы физического объема ВВП в стране в 2000–2019 гг. имеют положительную динамику (за исключением 2015 и 2020 гг.), что непременно отражается на величинах фактического конечного потребления домашних хозяйств и розничного товарооборота.

Таблица 2

Динамика ВВП в 2000–2019 гг. (в % к предыдущему году) [3, 122]

	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020
ВВП	110,0	106,4	104,5	98,0	100,2	101,8	102,8	102	96,9
Фактическое конечное потребление домохозяйств	105,9	110,8	104,3	91,6	97,6	103,2	103	102,3	-
Розничный товарооборот, %	109	112,8	106,5	90,0	95,2	101,3	102,8	101,9	95,9

Заметим, что структура использования ВВП, в том числе и доля расходов на конечное потребление домашних хозяйств, зависит от экспорта и импорта, поэтому на сбалансированность потребительского рынка и степень удовлетворения потребительского спроса влияет размер и структура импорта потребительских товаров.

В-четвертых, импорт потребительских товаров.

Доля импорта во внешнеторговом обороте РФ остается на протяжении последних 10 лет относительно стабильной – на уровне 36–40 % (в 2010 г. – 38,5 %, в 2019 г. – 37, 8 %).

Таблица 3

Внешняя торговля РФ [1, 35–39]

	2010		2015		2017		2018		2019	
	Млрд. долл. США	В % к пред. году	Млрд. долл. США	В % к пред. году	Млрд. долл. США	В % к пред. году	Млрд. долл. США	В % к пред. году	Млрд. долл. США	В % к пред. году
Внешнеторговый оборот	638,3	132,7	534,4	66,4	591,5	125	691,8	117	672,0	97,3
Импорт	245,7	132,1	193,21	62,7	238,4	124,5	248,7	104,3	254,1	102,2
Экспорт	392,7	133,6	341,4	68,7	353,1	125,3	443,1	125,5	418,8	94,5

Значительная часть ввозимых товаров приходится на страны дальнего зарубежья (Китай, Германия, Италия) и только 10 % из общего объема составляет торговля со странами СНГ (в частности, Беларусь). Экспорт в наибольшем объеме осуществляется в Китай (13,4 % в 2019 г.), Германию (7,6 %), Нидерланды (10,6 %), Беларусь (4,9 %). Самая весомая доля в товарной структуре импорта приходится на машины, оборудование и транспортные средства (46,2 % в 2019 г.), продукцию химической промышленности и каучук (19,6 %), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье [1, 524]. При этом доля импорта продовольственных товаров из года в год стабильно сокращается (с 21,8 % в 2000 г. до 12,2 % в 2019 г.), а доля первых двух позиций увеличивается.

Необходимо отметить, что формирование потребительского спроса населения за счет зарубежных поставок товаров бытового назначения и продовольствия не представляет особой опасности для экономики страны. Однако, на наш взгляд, сложившаяся тенденция сокращения

удельного веса потребительских товаров в общем объеме импорта РФ с 40,4 % в 2010 г. до 33,8 % в 2019 г. связана в большей мере с протекционистской политикой, которая, в конечном счете, может негативно сказаться на интересах покупателей, приведет к сокращению емкости внутреннего рынка. Между тем развитие импорта – это реальный фактор создания конкурентной среды на потребительском рынке и развития спроса покупателей.

Выводы

На основе исследования сделаны следующие выводы:

1. Потребительское поведение и спрос в современных условиях формируются под влиянием внешних и внутренних факторов. Информационные технологии оказывают существенное влияние на предпочтения потребителей и трансформируют структуру и динамику спроса.

2. В России сохраняется невысокий уровень жизни населения и существенная разница в уровне денежных доходов различных слоёв населения, наблюдается рост задолженности по потребительским кредитам, что в целом негативно сказывается на количественных и качественных характеристиках потребительского спроса, ограничивает возможности покупателей.

3. На степень удовлетворения спроса оказывает влияние структура и размер импорта. Снижение доли потребления импортных товаров под влиянием политики импортозамещения влечет уменьшение емкости внутреннего потребительского рынка и его конкурентной среды – и, как следствие, снижение покупательской активности.

Литература

1. Россия в цифрах. 2020: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2020. 550 с.
2. Сафиуллина Е.А., Янгирова Е.И. Потребительское поведение домохозяйств как признак классификации субъектов Российской Федерации // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2019. № 4. С.111–115.
3. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://showdata.gks.ru/report/277382/>